

© 2002 г. Г.М. ЗЕЛЬДОВИЧ

**СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА СОВЕРШЕННОГО ВИДА
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

0. Совершенный вид по отношению к парному несовершенному виду *первичен* – хотя бы уже потому, что наиболее типичный глагол совершенного вида обозначает *событие* (как бы последнее ни понимать); с другой же стороны событие в нейтральном, наиболее естественном случае обозначается *глаголом совершенного вида* (см. [Chaput 1985; Boguslawski 2000]).

Едва ли не самое трудное в описании как совершенного, так и несовершенного видов – это объяснение единства так называемых частных видовых значений [Бондарко, Буланин 1967; Гловинская 1989]. Они, как известно, настолько разнообразны, что попытки найти для них общий знаменатель обычно приводят к выводам слишком отвлеченного характера; если говорить о СВ, то ни рассмотренные ниже его "инцептивная" трактовка и теория предельности, ни иные известные нам интерпретации не объясняют, как, например, наглядно-примерное значение связано с конкретно-фактическим или почему первое значение у СВ употребляется гораздо менее свободно, чем многократное значение у несовершенного вида.

В предлагаемой ниже модели СВ единство его частных значений проявляется в том, что без соответствующего понятия вообще можно обойтись (заметим, что в западной русистике понятие о частновидовых значениях почти не используется). Легко догадаться, что предлагаемый инвариант будет в высокой степени ориентирован на прагматику и в разных контекстах будет по-разному "восполняться", порождая то, что соответствует разным частным значениям СВ.

Сразу надо сказать о принятых здесь прагматических постулатах. Они идут от П. Грайса и от так называемой теории релевантности [Sperber, Wilson 1986] – наиболее влиятельный ныне прагматической теории, объяснительную силу которой, нам кажется, особенно хорошо иллюстрирует русский вид, – и состоят в следующем.

Во-первых, если какая-то единица (в нашем случае – глагол, точнее, видовая грамма) может интерпретироваться несколькими способами, если все они дают информативное высказывание (некоторым релевантным образом обогащают когнитивную среду Адресата; к сожалению, хорошо формализовать понятие "релевантный" прагматика еще едва ли способна, и в то же время оно безусловно необходимо; мы принимаем, что условию релевантности отвечают все разбираемые случаи, кроме специально оговоренных) и если все они вовлекают в свое осмысление некую контекстную информацию, – то из этих способов предпочтителен тот, который связан с *наиболее эксплицируемыми* элементами контекста.

Во-вторых – это гораздо менее очевидно, – есть очень серьезные основания думать, что данное правило, пускай природа его и прагматическая, соблюдается языком *неукоснительно*. Д. Спербер и Д. Вильсон [Yus Ramos 1998: 317] показали, что отбор нужной интерпретации высказывания, если он вообще рационально объясним, происходит, грубо говоря, так: интерпретатор перебирает варианты, начиная с самого

* Автор благодарит Андрея Богуславского за обсуждение настоящей работы.

простого, т.е. доступного, и на первом же осмысленном, сколько-нибудь информативном – в оптимальном случае он и *просто первый* – останавливается, *игнорируя* все остальные.

Поэтому, если интерпретируемая единица неполна по смыслу (а такова, нам кажется, перфективная видовая граммема) и разные потенциальные интерпретации используют радикально отличные по степени доступности элементы контекста, мы скорее всего будем иметь дело с очень жесткой иерархией осмыслений, где более сложное выбирается, *только* если простое в данном контексте не дает никакой релевантной информации.

Наконец, в-третьих, если для интерпретации есть *несколько путей* и все они "равнозатратны", связаны с эксплуатацией одинаково эксплицитных элементов контекста, то выбирается осмысление *наиболее информативное*.

Добавим еще, что, формулируя инвариант, мы стремились к предельной – какая допускается фактами и нашей теоретической осначенностью – его простоте. Насколько мы преуспели, измерить затруднительно, однако само наше стремление оправдывается не только общенаучными принципами, но и тем, что даже косноязычный носитель языка не делает ошибок в употреблении видов; ребенок осваивает вид раньше, чем время глагола и многие другие категории; наконец, при афазиях порядок обратный: способность правильно использовать виды теряется *позднее* [Durst-Andersen 1993].

Оговорим с самого начала, что ввиду стеснительного объема статьи будем подробно рассматривать лишь примеры, где обозначенная глаголом ситуация относится к сфере *realis*; поведение СВ в контексте отрицания и разного рода модальных контекстах (в том числе в контексте императива и в так называемом потенциальном значении), нам кажется, тоже можно объяснить с излагаемых позиций, но об этом будут сделаны только частные замечания.

1. Не имея никакой возможности рассмотреть здесь все предлагавшиеся трактовки СВ и отсылая читателя к работе [Гловинская 1982], остановимся на двух наиболее популярных и конкурентоспособных интерпретациях.

Первая, "инцептивная", принятая в [Гловинская 1982; Падучева 1996] и многих других работах, гласит, что всякий глагол СВ обозначает *смену состояний*, т.е. включает в свою семантику идею начала или конца, напр. *Х сварил суп* ⇒ 'суп начал существовать', *Х решил задачу* ⇒ 'Х начал знать ответ' и т.п. (Кроме того, признается небезразличным коммуникативный статус инцептивной семы: она, как пишет Е.В. Падучева [1996: 155], должна быть на первом плане; об этой гипотезе мы скажем позднее.) Наличие такого инцептивного семантического компонента несомненно для "образцовых" и наиболее многочисленных глаголов, однако некоторые периферийные случаи дают повод засомневаться. Так, глагол ПОСПАТЬ на первый взгляд значит (может быть, среди прочего) '(а) начать спать, (б) спать, (в) перестать спать', но ни компонент (а), ни (в) не обнаруживают той обязательности, которая только и дала бы нам право считать их элементами семантики. Допустимо сказать:

(1) После ухода жены Иван еще поспал.

(2) До прихода жены Иван уже успел поспать, но и теперь просыпаться не собирался.

Очевидно, что любые попытки усмотреть сему (а) в (1) и сему (в) в (2) – в духе 'в какой-то момент начался / кончился тот сон Ивана, который имел место после / до прихода жены (и отличный от сна, имевшего место в другое время),' – слишком неуклюжи, чтобы серьезно их обсуждать.

Можно возразить, что по крайней мере *один* инцептивный компонент безусловно присутствует и в (1), и в (2) (соответственно – окончание сна и его начало), однако есть и примеры наподобие (3):

(3) Ивану дали снотворное, так что время кинофильма, который показывали с двух до четырех, он проспал.

Здесь Иван скорее всего не начал спать в два часа и не перестал в четыре, так что ни начала, ни конца этого действия совершенный вид ПРОСПАТЬ может не обозначать. С другой стороны, очень трудно принять и неуклюжую мысль, будто в какой-то момент (а именно, в четыре часа) исполнилась некая мера сна, т.е. *начало быть так, что 'Иван спал с двух до четырех'*.

Вспомним еще и тот известный факт, что обстоятельства типа "столько-то времени" (*час, день, год* и т.п.) не сочетаются ни с какими глаголами совершенного вида, кроме делимитативов (глаголов наподобие *поспать*) и пердуративов (глаголов наподобие *проспать* (сколько-то)): нельзя, например, **час сварить суп*, **год написать книгу*, зато можно *час поспать*, *проспать*, *поработать* или *проработать*, *год где-то прожить* или *прописать книгу*. Очень правдоподобное объяснение состоит в том, что, с одной стороны, обстоятельство типа "столько-то времени" требует, чтобы занимающая данный интервал ситуация была гомогенна, а с другой стороны глаголы-делимитативы и пердуративы, в отличие от иных, включающих в свою семантику идею "скачка", обозначают именно гомогенную ситуацию.

Еще один случай, который крайне трудно объяснять с "инцептивных" позиций. – глаголы типа ПОСЧАСТЛИВИЛОСЬ, ПОВЕЗЛО и т.п. Ср.:

(4) Ивану посчастливилось жить в Москве.

Если мы попытаемся ответить, в чем состоит инцептивность глагола *посчастливилось*, то скорее всего придется думать, что он индуцирует инцептивность у подчиненного ему *жить*. Между тем предложение (4) обычно понимается, по крайней мере может пониматься, в том смысле, что Иван прожил в Москве всю жизнь, от начала до конца. При этом по достаточно ясным причинам очень неловко сказать, будто Иван, родившись, начал жить в Москве, а умерев, закончил. Другое объяснение примеру (4) (предложенное Андреем Богуславским при обсуждении этой работы) состоит в том, что (4) значит, среди прочего, 'случилось что-то такое, что Иван жил в Москве'. Однако и оно кажется небесспорным: неясно, что собственно заставляет ввести в толкование событийный глагол совершенного вида *случилось* (или *произошло*, или другой подобный: важно только, что совершенным видом этого глагола как раз и отражается перфективность обсуждаемого *посчастливилось*), а не какой-нибудь *статив*, например, 'имело место такое положение вещей, что Иван жил в Москве'. И хотя толкования типа приведенных в принципе не требуют обязательной конкретизации – что именно случилось или имело место, – но ставить так вопрос все-таки допустимо, и тогда ко многим случаям (например, если, сказав (4), говорящий имеет в виду что-то несобытийное, вроде 'все предки Ивана были коренными москвичами') дефиниция 'случилось что-то такое, что Иван жил в Москве' не подойдет – как, впрочем, ко многим (например, к 'незадолго перед его рождением родители Ивана приехали в Москву') не подойдет и интерпретация 'имело место такое положение вещей, что Иван жил в Москве'. Такие трудности принуждают отказаться и от второго объяснения примера (4), и в итоге остается загадочным, как могла бы тут реализоваться идея инцептивности.

Наконец, неприятны для "инцептивной" трактовки примеры типа

(5) Плащ уберег Ивана от дождя.

Объяснение вроде 'в какой-то момент (совпадающий с моментом, когда начался дождь или Иван вышел на улицу), плащ начал защищать Ивана от дождя' звучит в немалой мере казуистически.

Учитывая эти обстоятельства (о других трудностях инцептивной теории см. [Зельдович 1996]), такую интерпретацию совершенного вида нельзя признать универсальной – хотя и несомненно, что ее объяснительная сила весьма велика.

Вторая широко принимаемая точка зрения состоит в том, что глагол совершенного вида всегда обозначает достижение некоторого предела. В своем классическом варианте (см., среди прочего, [РГ 1982]) она, разумеется, неприемлема, ибо ей противостоят глаголы-делимитативы (типа ПОСПАТЬ, ПОСИДЕТЬ) и градативы

(ПОВЫСИТЬСЯ, ПОНИЗИТЬСЯ, УЛУЧШИТЬСЯ, УХУДИТЬСЯ и т.п.): для сна, сидения, повышения и т.д. нет естественной внутренней границы, и потому, проспав, можно спать еще (ср. (2)), повысившись – еще повышаться и т.д. Ср. пример из [Гловинская 1982]: *Цены повысились и продолжают повышаться*.

С учетом этих фактов понятие предела не раз пытались пересмотреть и уточнить. Так, в [Кошелев 1996] акцент сделан на *субъективности, условности* предела. Например, фраза *Белье высохло* не значит, будто белье не может стать *более сухим*: просто оно уже сухо в той степени, что его можно использовать, сложить в шкаф и т.п.

К сожалению, и при такой трактовке предела делимитативы и градативы труднообъяснимы.

По-видимому, с точки зрения А.Д. Кошелева, фразу *Иван проспал* надо толковать как 'Иван спал определенное количество времени, *достаточное для чего-то* (например, достаточное, чтобы быть бодрым и т.п.)'. Но тогда если Иван спал определенное количество времени, *не достаточное* для этого "чего-то", то фраза *Иван проспал* в этой ситуации должна быть неуместна (т.е., в зависимости от предполагаемого коммуникативного статуса соответствующих сем, либо неверна, либо лишена истинностного значения). А между тем она безупречна, ср.: *Иван проспал, но не столько, сколько нужно*.

Многие аспектологические работы, даже такие подробные и амбициозные, как [Durst-Andersen 1993], от существования делимитативов отвлекаются – на том основании, что делимитативы скорее всего лишены видовых пар и представляют маргинальное для видовой системы явление¹. Но и в ее центре, среди парных глаголов, многие тоже лишены сколько-нибудь осязаемого "предела": это все те же названные выше градативы (ПОВЫСИТЬСЯ, ПОНИЗИТЬСЯ и т.д.).

О чем, по сути, говорит фраза

(6) *Цены повысились (и продолжают повышаться)?*

О том, что Говорящий сравнивает состояние цен в момент речи или другой, предшествующий момент, с их состоянием в какое-то более раннее время. Следовательно, *граница* ситуации задана моментом речи или другим, предшествующим ему моментом и к существу обозначенного действия никакого отношения не имеет. Точно так же, произвольно по отношению к процессу как таковому, выбирается и та начальная временная точка, с которой сопоставляется нынешний уровень цен. Например, цены могут повыситься за последний год в целом и *не повыситься* за последний месяц: все определяется *только* тем, какой период нас интересует. (Дело не меняется оттого, что люди склонны искать в мире именно изменения и о них говорить: это касается не инвентаря языковых средств, а стратегии их использования.)

Таким образом, обозначенная совершенным видом ситуация может быть ограничена пределом внутренним (качественное или субъективно понятое как качественное изменение в субъекте или объекте) и – в некоторых более редких, зато и показательных случаях – пределом сугубо временным, "внешним" и от сути ситуации не зависящим.

Однако понятие временного, "внешнего" предела если и отражает суть СВ, то только как метафора, логически же оно совершенно некорректно, поскольку предел, при любых нюансах в его интерпретации, остается точкой, после которой действие продолжаться не может *в силу самой своей сущности*².

¹ Эту практику нужно признать порочной, во-первых, потому что подлинная теория вида обязана объяснить все факты, во-вторых, потому что делимитативная приставка ПО- и есть, вероятно, *самая чистая* видовая приставка [Comrie 1976: 89].

² Неприемлемость "предельной" трактовки СВ заставляет отказаться и от более сложных теорий, которые понятие предельности используют. Наиболее известна из них, кажется, теория А. Барентсена [1995; ср. Шарит 1990], гласящая, грубо говоря, что СВ = 'предельность + секвенная связь с другой ситуацией + целостность'.

Заметим также, что сомнителен и признак 'целостность', ибо это понятие слишком рас-

Наконец, и "инцептивная" теория, и теория предельности страдают тем принципиальным изъяном, что не позволяют четко отграничить от совершенного вида несовершенный. Как идея "начала", так и идея достигнутого предела часто выражаются несовершенным видом (НСВ) столь же недвусмысленно, сколь и совершенным.

Так, фраза *По субботам Маши варит суп* нормально значит, что каждый раз она его *доваривает*, то есть, в зависимости от выбранного метаязыка, 'суп начинает существовать' или 'достигается предел (готовность супа)'. Можно возразить, что та же фраза совместима и с утверждением, что всякий раз суп *не доваривается*, и потому идея 'начала' или 'достигнутого предела' здесь не закодирована в прямом смысле слова, а является импликатурой – и в этом коренится отличие НСВ от СВ; иначе говоря, играет роль не только содержание "инцептивности" или "предельности", но и способ их выражения: для СВ соответствующая идея выражена семантически. тогда как для НСВ она имплицатурна. Однако и такая оговорка чревата осложнениями. Существуют – хотя скорее всего крайне малочисленные – моментальные глаголы типа ПРИХОДИТЬ, *абсолютно неспособные* обозначать какой-либо безрезультатный процесс: ср. совершенно аномальное **приходил, но не пришел* (другие моментальные глаголы ведут себя гибче и могут обозначать какую-то подготовительную фазу. ср. приемлемое *стрелял, но не выстрелил*. См. об этом [Апресян 1988]). Это значит, что во фразах *Цезарь приходит в Галлию, Иван сюда иногда приходит, Иван сюда приходил* идея 'начала' или 'достигнутого предела' никак не отменима, неотменимый же элемент смысла по определению нельзя счесть имплицатурой. Если же мы в обоих видах имеем здесь дело с семантикой, то для спасения "инцептивной" или "предельной" теорий необходимо показать, что в *Иван пришел* видовая сема коммуникативно значимее, чем в *Иван приходил*. (Применительно к идее 'начала' эта мысль, как уже упоминалось, высказывается в [Падучева 1996: 155].) Как это сделать, совершенно неясно.

Разумеется, подавляющее большинство глаголов НСВ в каких-то условиях действительно способны обозначать безрезультатный процесс, и ПРИХОДИТЬ на этом фоне смотрится как исключение – хотя и единичные исключения никакую теорию не укрепляют. Однако есть целые четко очерченные области употребления видов, где СВ и НСВ с точки зрения результативности (наличия / отсутствия перехода к новому состоянию или достигнутой / недостигнутой предела) *заведомо* – кроме совершенно экзотических случаев – не отличаются: это многие модальные контексты и контекст императива, а также будущее время. Например, если кто-то может или должен поднять или поднимать 25 килограммов, то модальная установка относится ко всему действию в целом – независимо от выбранного вида³. Точно так же, императивные предложения *Войдите* и *Входите* выражают желание, чтоб Адресат *вошел* (примеры типа *Входите, но не войдите* мыслимы, но практически неупотребимы [Boguslawski 1985]). Точно так же, в будущем времени сообщения *Мы уйдем* и *Мы будем уходить* оба говорят о намерении *уйти*.

пльвчато [Гловинская 1982: 12–14]. Узязвима концепция и потому, что представляет семантику СВ как простой конгломерат отдельных элементов, без попытки прояснить их взаимосвязь, а может быть, и "выводимость" (хотя бы прагматическую) один из другого. В то же время та *связь* между обозначенной совершенным видом ситуацией и чем-то *другим*, на которую обращает особое внимание А. Барентсен (видимо, вслед за Г. Галтоном [Galton 1976; 1980]), кажется исключительно важной и в наших дальнейших рассуждениях будет учтена.

³ При деонтической интерпретации фраза *Иван может (имеет право или позволение) поднимать 25 килограммов* совместима с предположением, что алетически – т.е. по физическим способностям – Иван такой груз не поднимет, но это уже одна из крайне маловероятных ситуаций. Известно, что деонтическая модальность нормально предполагает алетическую; высказывание о деонтической возможности или деонтическом должествовании уместно только там, где есть *алетическая* возможность.

2. Спросим себя: какой элемент значения *всегда и везде* появляется при употреблении СВ – включая фразы (1–3) и (6) с делимитативными, пердуративными (на ПРО-) и градативными глаголами?

Самый наивный ответ прозвучит скорее всего так: действие чем-то ограничено.

Как мы видели, внутренним пределом оно ограничено не всегда, и в отсутствие других мыслимых возможностей говорить следует об ограниченности во времени. Однако формула СВ = '*ситуация ограничена во времени*' в поведении русского СВ объяснит очень мало. Она без всяких натяжек допускает, что ограниченная во времени ситуация *многократно повторяется*. Таковы правила употребления СВ в чешском языке⁴, но не в русском. Дело в том, что русский СВ нормально обозначает *однократную* ситуацию, а итеративное значение приобретает лишь под недвусмысленным давлением контекста. Отсюда ясно, что одной временной ограниченностью значение русского СВ не исчерпывается.

Второй "наивный", но интуитивно убедительный шаг – счесть, что СВ обозначает *единичное* действие⁵. Наивен это шаг ввиду несомненно корректных примеров типа (7–8):

(7) Иван вообще-то трезвенник, но иногда и выпьет.

(8) Иван придет домой – и сразу хлопнется спать,
где обозначенные с помощью СВ ситуации явно *многократны*.

С другой стороны, мысль, что СВ значит 'ситуация однократна', верна в двух отношениях. Во-первых, полное объяснение СВ должно быть таким, чтобы "однократная" интерпретация порождалась *в первую очередь*, оказалась прагматически более доступной и возникала везде, где контекст не принуждает к иному (заметим, что ни "инцептивная" теория СВ, ни теория предельности этого не обеспечивают). Во-вторых, идея однократности неожиданным образом как-то сохраняется и в примерах типа (7–8). Особенно хорошо это видно там, где при глаголе СВ имеется объект: как известно, если речь идет о дискретной сущности и в каждом отдельном событии участвует *один* экземпляр данного предмета, последний всегда называется существительным в *единственном* числе (исключение, конечно, – существительные *pluralia tantum*). Для глагола НСВ это правило не действует; ср.:

(9) а. Бывает, что Иван съест яблоко (форма *яблоки* значила бы, что яблок всякий раз съедается несколько);

б. Бывает, что Иван ест яблоко (форма *яблоки* может значить, что всякий раз съедается только одно).

(10) а. Закончив книгу, он тут же продает авторские права;

б. Закончивая книгу, он тут же продает авторские права (во втором случае множественное число *книги* способно выразить тот смысл, в первом оно бы означало, что авторские права всегда продаются оптом, на несколько книг сразу).

Это правило выполняется совершенным видом столь строго, что его нельзя списать на счет прагматики, и толкование СВ должно говорить *о такой единичности ситуаций, которая совместима с их реальной множественностью*⁶.

⁴ См. [Широкова 1971; Stunová 1991]. Из сказанного не следует, что обсуждаемая экспликация обязательно и есть инвариантное значение чешского СВ; мы имеем в виду только то, что она *скорее* подходит к чешскому, чем к русскому языку.

⁵ Так мы и поступили в [Зельдович 1999б], но факты сильнее нас, и ниже мы от этой мысли отказываемся.

⁶ Интуитивно очень соблазнительна интерпретация СВ, согласно которой СВ предполагает, что каждая из релевантных ситуаций *чем-то индивидуализирована*, например, *сопровождается своими особыми обстоятельствами*. Так, предложение (7) *Иван вообще-то трезвенник, но иногда и выпьет* могло бы, грубо говоря, значить: 'всякий случай, когда Иван выпивает,

Парадокс здесь в том, что такая комбинация вовсе не парадоксальна. Если ситуация Р однократна, то однократна она непременно в *каком-то множестве М*. Представим себе, что есть *много* отдельных множеств и в каждом имеется по одной ситуации Р. Надо думать, именно с таким положением мы сталкиваемся в примерах (7–8) и (9а–10а). и, следовательно, в толковании видового инварианта нужно учесть, что множество М не обязательно одно.

3. Чтобы сказать эти же вещи более точно, надо ответить, множеством *каких объектов* является М.

Из двух возможных ответов, гласящих, что М – это множество *временных интервалов* (на одном из которых имеет место Р) и что М есть множество *ситуаций*, верен второй.

Во-первых, он более интуитивен: с наивной точки зрения квантифицировать ситуации гораздо естественнее, чем те временные интервалы, на которых они имеют место. Так, например, известно, что и в русском, и в других языках большинство временных квантификаторов (ЧАСТО, ЗАЧАСТУЮ, РЕДКО, ИЗРЕДКА, ИНОГДА, ПОРОЙ, БЫВАЕТ и мн. др.) способны в равной степени квантифицировать и актанты, ср.: *У кошек часто (редко, иногда) бывает дурное настроение* (временная квантификация); *У кошек часто (редко, иногда) бывает дурной нрав* (квантификация не временная). Такая сверхрегулярная двузначность заставляет думать, что реально два типа квантификации едины – представляя собой просто квантификацию *ситуаций*.

Во-вторых, есть случаи употребления СВ, когда релевантных ситуаций две (или больше), а временной интервал явно один; ср.:

(11) Иван проболтался и (тем самым) выдал друзей.

(12) Иван поторопился – и погубил все дело.

(13) Иван сказал глупость и обидел товарища.

Очень важно здесь, что две части в (11), (12) и (13) нельзя разорвать, не изменив их значение. Вместе они формируют так называемую "цепь" (см. ниже), и предложения (11–13) говорят о развитии событий *безотносительно к моменту речи*. Сократив (11–13) до *Иван проболтался*, *Иван поторопился* и *Иван сказал глупость*, мы получим фразы, требующие уже перфектной интерпретации (грубо говоря, результат происшедшего актуален в момент речи или иной опорный момент). Так, после фразы (11) в ее полном виде отрицать значимость события *Иван проболтался* в момент речи гораздо легче, чем если фраза урезана; ср.:

(11') – Иван проболтался и (тем самым) выдал друзей.

– Значит, будут неприятности?

– Нет, это дело уже прошлое.

(11'') – Иван проболтался.

– Значит, будут неприятности?

' – Нет, это дело уже прошлое.

Ясно, что две ситуации в каждом примере отнесены к одному и тому же времени: вторая из них есть просто дополнительная интерпретация первой. Между тем "множество М" мы понимаем буквально: это именно *множество*, включающее по крайней мере два, но никогда не один объект. Таким образом, множества интервалов в (11–13) нет, а предложения все-таки корректны.

Вообще говоря, приуроченность двух ситуаций к одному отрезку времени столь маловероятна, что без особых на то причин едва ли когда-нибудь предполагается, но она безусловно возможна и неприятна, если видеть в М множество *интервалов*.

индивидуализирован¹. Примеры (9а) и (10а) такой трактовке противоречат. Можно сказать, что в отдельных, индивидуализированных случаях кто-то ест яблоки, имея в виду, что каждый раз съедается лишь одно. Объяснить с этой точки зрения выбор объекта только в единственном числе не удастся.

Таким образом, множество М гораздо корректнее считать множеством ситуаций, а не множеством временных интервалов; но при этом само понятие "ситуация" необходимо уточнить. Уточнения не претендуют на универсальность, а затрагивают лишь то, что важно с точки зрения вида. Не страшно, если релевантное для вида понятие ситуации окажется специфичнее соответствующего понятия в его обычном истолковании.

Из (11–13), где онтологически единая ситуация представляется как две разных. видно, что с точки зрения вида под ситуацией надо понимать *что-то такое, что может быть сказано* (причем сказано *самостоятельно*, отдельно от других ситуаций).

Но это еще не все. Может возникнуть недоумение: допустим, мы имеем дело с итеративом несовершенного вида, например *Я хожу в шахматный клуб*. Интуиция очень определенно подсказывает, что здесь уместно говорить о *множестве* ситуаций (приблизительно – ситуаций *Я иду в шахматный клуб*). Если же ситуация есть что-то, что может быть сказано, то возникает противоречие: с одной стороны, ситуаций *много*, с другой – они имеют одно и то же наименование и, следовательно, ситуация *одна* (иными словами, *воспроизводимость* какой-либо ситуации становится парадоксом). В действительности последнее неверно. Только редкие так называемые не локализованные во времени ситуации (типа *Дважды два равняется четырем*, *Сумма углов (произвольного) треугольника составляет 180 градусов*) сводятся к тому, что говорится эксплицитно – и ясно, что каждая такая ситуация невоспроизводима, абсурден сам вопрос, сколько раз или насколько часто *Дважды два равняется четырем* или *Сумма углов (произвольного) треугольника составляет 180 градусов*. Однако ни глаголы СВ, ни – скорее всего – парные глаголы НСВ таких ситуаций никогда не обозначают⁷. Обозначаемые ими ситуации имеют логическую форму 'P' = 'на каком-то временном интервале имеет место то, что описывается в "P"', или 'о каком-то временном интервале можно сказать "P"'. Не противоречат этому и высказывания типа *Время – субботнее*, поскольку ничто не мешает поставить в роль P выражение темпорального характера. Таким образом, формулировка "что-то такое, что может быть сказано" предполагает учет и временной координаты. Сообщение о точной временной локализации событий в обычной речи скорее исключение, а не норма, однако иного и не требуется: важно лишь то, что о темпоральной координате в принципе *может быть сказано*. Иными словами, ситуация – это, с точки зрения совершенного вида, пара {P; t}, где P – "содержательное описание", а t – временная локализация. В примере *Я хожу в шахматный клуб* P у всех повторяющихся ситуаций совпадает, а t – различны; будь последнее не так, мы имели бы дело с *одной* ситуацией.

З а м е ч а н и е. В дальнейшем, чтобы не утяжелять изложение, мы используем символ "P" достаточно свободно, подразумевая под ним, в зависимости от контекста, либо собственно "вещественное" содержание ситуации, либо всю ситуацию в целом, т.е. P *вместе* с соответствующим интервалом t.

⁷ Мы полагаем, что своя, пусть и несколько необычная, временная соотношенность есть у многих ситуаций, которые принято считать не локализованными во времени, например у ситуации *посчастливилось (X–у P)*, даже в предложении (4) *Ивану посчастливилось жить в Москве*. Не входя в детали, заметим, что можно сказать: *Ивану посчастливилось жить в Москве, а после (посчастливилось жить) в Париже*, – и что очень странно подводить под одну рубрику и предложение (4), и действительно *никак* не локализованные во времени ситуации типа *Сумма углов треугольника составляет 180 градусов*.

Также заметим, что если принять, что парный глагол НСВ всегда обозначает локализуемую во времени ситуацию, то окажутся непарными, по крайней мере в некоторых употреблениях, глаголы наподобие ПОНИМАТЬ; ср.: *Моя собака понимает очень многие вещи*. Кажется, такое решение достаточно естественно: необычность этих глаголов НСВ давно привлекает внимание, отразившись даже терминологически в понятии "глаголы перфектного состояния".

4.0. Итак, совершенный вид (а) предполагает множество (множества) ситуаций М, куда входит данная ситуация Р, и (б) говорит о единичности Р в рамках каждого М. И тезис (а), и тезис (б) нуждаются в дальнейших уточнениях.

4.1. Начнем с (б). Что именно означает единичность Р? В свете сказанного выше, получается, что при *строгом* подходе единична *всякая* ситуация: либо за счет своей вневременности, либо за счет того, что всякая пара {Р; t} уникальна. Тогда, чтобы интуитивно вполне корректное понятие единичности ситуаций не потеряло смысл, необходимо говорить так: множество мыслимых ситуаций М таково, что *есть один интервал, о котором говорится "Р"*.

Таким образом, идея времени возвращается в наше описание, только теперь мы имеем дело больше с прагматикой, чем с семантикой. Если предполагается множество ситуаций – а большинство их локализуется во времени, причем локализация двух или нескольких на одном интервале весьма экзотична (особенно ввиду прямого указания на прикрепленность Р к *одному* интервалу, имплицитующего представление о *других*), – то отсюда с очень большой вероятностью следует, что есть и множество временных интервалов – в котором данный интервал единичен.

З а м е ч а н и е 1. Большинство исследователей признает, что вид нельзя описать, не прибегая к понятию о времени; ср. в особенности [Timberlake 1985]. Некоторые авторы считают, что суть СВ, грубо говоря, в смене "картинок", т.е. она *не пропозициональна*, и вместе с тем постулирует для СВ пропозициональную "подоплеку", которая, естественно, без понятий 'раньше', 'позже' и т.п. – будь они явны или замаскированы в описаниях – обойтись неспособна.

З а м е ч а н и е 2. Из наших рассуждений вытекает, что тот единственный временной интервал, где имеет место Р, целостен и недробим. Другими словами, интервал выделяется благодаря тому, что на нем от начала до конца имеет место какая-то ситуация. Это не соответствует пониманию временного интервала в логике, зато согласуется с фактами языка. Имей мы право произвольно дробить всякий временной отрезок, не могли бы существовать такие временные квантификаторы, как РЕДКО, ИЗРЕДКА и др. Если РЕДКО Р значит 'мало интервалов, где Р' (обоснование такого толкования – в [Зельдович 1999а]) и вместе с тем каждый интервал бесконечно делим, то их одновременно оказывается *сколь угодно много*. Абсурд избегается тем, что выделение и дробление временных интервалов всегда имеет какие-то мотивы; самый очевидный из них – то, что данный временной отрезок занят (или, в немного более сложном случае, *мог бы быть занят*) определенной ситуацией.

4.2. Теперь обратимся к тезису (а): что СВ *предполагает множество ситуаций* Нас будет интересовать, что подразумевается под словом *предполагает*. Проще всего было бы включить в семантику СВ компонент '*существует множество ситуаций М, в которое входит данная ситуация Р*', но делать этого не следует. Найти такое М можно для *любого* произвольного Р, следовательно, эта информация абсолютно тривиальна, причем тривиальна не в том смысле, что повторяет уже присутствующие в контексте сообщения (это положение совершенно нормально; например, во фразе *У меня своя жизнь, а у тебя – своя союз А дублирует некий противопоставительный смысл, и без того присутствующий во фразе У меня своя жизнь, у тебя – своя* [Крейдлин, Падучева 1974]; во фразе *В этом доме была и гостиница, в которой я, приезжая в Москву, иногда живал подолгу* (И.А. Бунин) идея многократности выражена трижды: словами *иногда, живал и подолгу*), а в том смысле, что в любом случае может быть выведена "заочно": отрицание этой информации 'нет множества ситуаций, в которое входила бы данная ситуация Р' просто лишено смысла. Такое тоже встречается в нормальных высказываниях (типа *Вася есть Вася. Что было, то было* [Булыгина, Шмелев 1997: 504 и сл.]), но представляется, что в собственно грамматической семантике смириться с подобным нельзя: как известно, тавтология не дает аномалии только там, где она затрагивает *эксплицитную* информацию, связана с ассер-

тивными элементами значения [Апресян 1989], а семантика видового инварианта явно не такова.

Приведем посторонний, хотя и не совсем чуждый нашей теме пример с родительным отделительным падежом. Он уместен всюду, где в ситуации могло бы принять участие большее количество вещества, чем это реально произошло, происходит или может произойти. Благоприятный контекст может создаваться по-разному: чаще всего с помощью управляющего глагола совершенного вида (*Он выпил воды*) или тоже несущего идею какой-то ограниченности вторичного имперфектива (*Вместо завтрака он выпивает воды*); иногда роль ограничителя выполняет определенного размера вместилище (*Лью в кастрюлю воды, ставлю на огонь*; любопытно, что если кому-то *льют в рот воды*, то скорее всего для *полоскания рта*, а не для питья: видимо, нижележащие отделы пищеварительного тракта мыслить как некую емкость значительно труднее, чем рот) или "адресат" действия (*Я несу Ивану воды vs. 'Я несу воды*; ср. [Падучева 1996: 189–191]; кроме реально несомой воды для *Ивана* представима *вода для кого-то еще*). Очевидно, в примерах типа *'Я несу (пью) воды* "ограничителя" нет и, таким образом, в ситуации *всегда* может принять участие больше воды, чем реально принимает; противоречия с семантикой родительного отделительного падежа нет, однако он неуместен – как раз в силу своей абсолютной тривиальности.

Вспомним по этому поводу и другой хорошо известный факт: в сообщении типа *X существует* терм *X* заведомо что-то денотирует – пускай даже денотат и является только продуктом нашего воображения, существует в некотором *возможном* мире. Поэтому выражение *X не существует* (*Кентавры не существуют*; *Русалки не существуют*) в буквальном смысле, в смысле абсолютного не-бытия, употребляться не может; поэтому и *X существует* в буквальном смысле не употребляется, переосмысляясь в '*X существует в реальном мире*'.

Вернемся к нашему главному предмету. Что множество *M* просто *существует*, нельзя говорить и по другой причине. Интуитивно несомненно, что единичность данной ситуации *важна* для Говорящего, в высокой степени интерпретативна по отношению к действительности; например, фраза *Я пообедал* не исключает, что Говорящий обедал и раньше: предыдущие обеды его просто *не интересуют*. Поэтому в более корректной формулировке СВ значит, что '*Говорящий мыслит множество ситуаций M, в котором ситуация P единична*'. Подчеркнем – и будем помнить, что прагматически важна не только сама эта информация, но и то, что Говорящий *ее сообщает*: из последнего вытекает, что множество *M* чем-то *важно* для Говорящего⁸.

4.3. Но и приведенное толкование еще не отражает всей сути дела. Рассмотрим примеры:

(14) а. Потом я эту историю слышал еще несколько раз от других, но *в первый раз* я ее услышал от Яшки (Ф. Искандер);

б. Иван прочел книгу *первый раз* с удовольствием, *второй* (раз прочел книгу) – с отвращением.

(15) Иван стукнул в дверь, потом стукнул *еще раз*.

(16) Я ударил по гвоздю *молотком*, потом *кувалдой*.

Вспомним заодно и пример

(3) Ивану дали снотворное, так что время кинофильма, который показывали *с двух до четырех*, он проспал,

который, как мы говорили выше, очень трудно интерпретировать с "инцептивных", равно как и с "предельных" позиций. Из (14–16) и (3) видно, что действие *P* может

⁸ С тезисом, что информативно важен самый акт говорения, в значительной степени связан пафос грайсовой и постграйсовской прагматики; см. особенно [Sperber, Wilson 1986].

быть единичным не само по себе, а вместе с каким-то модификатором А (*в первый раз, первый раз, второй раз, еще раз, молотком, кувалдой, с двух до четырех*). Подобная же картина – скорее всего и в примерах типа *Игорь сегодня всего два часа поиграл на скрипке, утром и вечером по часу* (пример из [Мелиг 1995: 142]), где в роли А выступает выражение *два часа*.

Претендовать на роль А способна далеко не всякая единица. Так, малоестественна фраза *Иван стукнул в дверь, а потом стукнул и присвистнул*. Она либо неловка, либо очень специфична: представляет *стукнул* и *присвистнул* как неделимую целостность (т.е. *присвистнула* сродни обстоятельству, ср. *стукнул, присвистнув*). Сравнив это предложение с предыдущими – безусловно хорошими – примерами, можно заключить, что модификатор А есть нечто говоримое о Р: в *первый раз* в (14а) сообщает о слушании истории, *первый раз* и *второй раз* говорят в (14б) о прочтении книги, *еще раз* в (15) – об ударе в дверь, и т.д. В последнем же предложении и *присвистнул* едва ли говорит о стуке в дверь, и отсюда аномалия.

С другой стороны, формулировка "А есть то, что говорится о Р" допускает, что в роли А выступает отрицание. Соответствующие примеры безусловно существуют; ср.:

(17) Все время я ему помогал, а когда *не помог*, он обиделся.

Интуитивно очевидно, что здесь, как и в других случаях, за совершенным видом (*не*) *помог* стоит идея какой-то единичности; однако, в отличие от очень частых ситуаций, когда речь идет о событии, которое было или было бы, если бы было, только однажды (по крайней мере в релевантном для Говорящего фрагменте мира), здесь события 'я ему помог' заведомо множественны, а единичным может быть только *не помог*.

(Заметим, что большинство рассмотренных ниже примеров с этой точки зрения просты, и единично само по себе Р, – конечно, вместе со своими актантами. В конце статьи мы приведем, однако, более изысканный пример совершенно вида в отрицательном императивном контексте, где тезис о возможности модификатора А позволяет справиться с классической трудностью в интерпретации СВ.)

Таким образом, суть совершенного вида в том, что 'а) Говорящий мыслит множество (множества) ситуаций М; (б) данная ситуация имеет место в М (в каждом М из многих) один раз = для М (каждого М) то, что говорится с помощью "Р" или "Р + А", имеет место на одном временном интервале'.

4.4. Чтобы сделать последнее содержательное уточнение, сравним предложения:

(18) Иван вызвал врача.

(19) Иван не мог вызвать врача.

В (18), как это и предусмотрено нашей формулировкой, с помощью глагола ВЫЗВАТЬ говорится *что-то* (описывается поступок Ивана); однако в (19), в присутствии модальности НЕ МОЧЬ, глагол ВЫЗВАТЬ ничего такого не говорит, а сам есть (вместе с актантами) то, *о чем* говорится. В простых случаях с этой тонкостью можно не считаться, но для СВ в контексте отрицательного императива она тоже важна, и более корректная генерализация гласит, что единично то, *что или о чем* говорится с помощью "Р" или "Р + А".

4.5. Наконец, еще одно пояснение. После работы [Wierzbicka 1967; также см. Гловинская 1982; Падучева 1996] специфику вида принято искать непосредственно в лексическом, индивидуальном значении отдельного глагола; именно в такого рода исследованиях и формулируется малопримемая идея об инцептивности как общей характеристике совершенного вида. Обосновывается такая позиция тем, что инцептивный и предельный компоненты от лексического значения крайне трудно, а часто и невозможно отделить. Очевидно, единичность, о которой мы говорим, такую процедуру допускает, и потому целостную семантику глаголов можно (и поэтому нужно – ибо так нагляднее) представлять как совокупность инвариантного "единичного" значения и значения лексического – того "сценария" событий (Р), ради обозначения которого существует конкретный глагол.

4.6. В итоге наших рассуждений можно сформулировать следующее толкование совершенного вида:

(20) 'а. Говорящий мыслит множество (множества) ситуаций (М), в которое (в каждое из которых) входит то, что или о чем говорится с помощью "Р" или "Р + А" (А – что-то, что говорится о Р), такое (такие), что

б. в пределах М (каждого отдельного М), то, что или о чем говорится с помощью "Р" или "Р + А", имеет место на одном временном интервале;

в. Р'.

З а м е ч а н и е. Подчеркнем, что формулировка пунктов (а) и (б) – поскольку речь идет лишь о вещах, которые *мыслит себе Говорящий*, – не навязывает тому, что или о чем говорится с помощью "Р", никакой определенной модальности: последняя в принципе может быть как реальной, так и ирреальной. С другой стороны – и только это здесь важно, раз в центре нашего внимания сфера *realis*, – *реальная* ситуация автоматически помещает тот единственный интервал, к которому приурочена, на *реальную* временную ось.

5.0. Теперь надо показать, как толкование (20) позволяет объяснить закономерности употребления совершенного вида.

Говоря обобщенно, при интерпретации СВ огромную роль играет прагматика. В отношении чисто "вещественного" содержания компоненты (а) и (б) совершенно необязательны: примыслить их к данному "сценарию" Р Говорящий может почти всегда или просто всегда; следовательно, эти смыслы суть не что иное, как своего рода призыв к Адресату дополнить их таким образом, чтобы возникло нечто информативное⁹. Кроме того, в (а) и (б) содержится и прямая инструкция, какого именно восполнения хочет Говорящий: если он сообщает, что он мыслит (и, следовательно, его *интересует* или *интересуют*) множество (множества) ситуаций М, где данная ситуация (для простоты примем, что это просто "Р") имеет место на одном интервале *t*, то вопрос, ради чего это сообщено, естественнее всего переинтерпретируется в вопрос, что собой представляют *другие ситуации* (Р'). Как раз призыв восстановить Р' и определяет важнейшие черты в поведении СВ.

Как мы уже говорили в начале, высказывание, при прочих равных условиях, тем естественнее – и соответствующая интерпретация имеет тем больше шансов быть выбранной предпочтительно перед иными, – чем меньше требуется усилий для его обработки¹⁰. В частности, естественнее, когда для интерпретации того или иного семантического элемента используется ровно столько – и не больше – материала, сколько данный элемент *логически требует*.

Отсюда вытекает, что множество М, если контекст не вынуждает к иному (а бывает это достаточно редко), содержит, помимо Р, только *одну* ситуацию Р'.

⁹ Часто утверждается, что имплицитур, прагматически выводимые смыслы, порождаются единицей U_1 за счет ее противопоставленности другой единице U_2 : например, слово НЕКОТОРЫЕ значит обычно 'не все' потому, что есть логически более сильное ВСЕ, не будь же его, имплицитур 'не все' либо не возникла бы, либо оказалась бы едва уловимой. Это, однако, неверно даже для хрестоматийных примеров типа *Я порезал палец => 'свой палец'*, в особенности же для случаев типа *Вася есть Вася, Что было, то было* [Булыгина, Шмелев 1997: 504 и сл.], где видимая *безинформативность* сама по себе заставляет искать дополнительные смыслы. Аналогична картина и с совершенным видом. Что касается оппозиции СВ vs. НСВ, то она, по-видимому, устроена отнюдь не так просто, как оппозиция НЕКОТОРЫЕ vs. ВСЕ, и потому не только допустимо, но и более надежно объяснять прагматику совершенного вида *из него самого*.

¹⁰ Напомним, что имеются в виду идеи постграйсовской прагматики вообще, а в особенности так называемая теория релевантности [Sperber, Wilson 1986]. Безусловно требует прояснения понятие "при прочих равных условиях" (на него направлена едва ли не в первую очередь критика теории релевантности в [Wilks, Cunningham 1986]), которое, к большому сожалению, мы не можем формализовать, но и обойтись без него тоже не можем.

(С этой точки зрения вместо термина "множество ситуаций" был бы нагляднее термин "ряд ситуаций", поскольку ряд из двух членов несколько привычнее, чем двучленное множество. Однако термин "множество" универсальнее в том смысле, что, в отличие от "ряда", может быть использовано также при интерпретации несовершенного вида, который относительно совершенного во многом "зеркален"; поэтому мы предпочитаем и здесь пользоваться понятием "множество").

Отсюда же вытекает, что высказывание с глаголом СВ тем естественнее, чем легче восстановить содержание Р', т.е. чем прямее это содержание дано в тексте.

В силу того же самого "принципа простоты" гораздо естественнее вариант, когда с глаголом СВ связано лишь *одно единственное* множество М (и не только потому, что мыслить *много* объектов труднее, чем один; о другой важной причине будет сказано в своем месте): поэтому интуиция так отчетливо и связывает СВ с идеей реальной однократности.

5.1. Таким образом, прагматически наиболее проста и предпочтительна конфигурация, при которой множество М одно, а Р' названо прямо; этот тип употребления СВ обычно называют "цепным"; ср.:

(21) Иван вошел и сел.

(22) Техник допустил оплошность, и случилась авария.

(23) Отказавшись от выгодного предложения, он потом долго раскаивался.

(Очевидно, что если в "цеп" входят два глагола СВ (хотя это не обязательно: один из глаголов может быть и несовершенного вида), то отношения зеркальны: первый глагол выступает как Р' для второго, а второй – для первого.)

Мы не будем обсуждать вопрос, насколько физически далеко от Р может отстоять Р', но ограничений принципиального характера здесь нет, и в реальных текстах Р' часто находится в *другом*, а иногда и не соседнем предложении.

Заметим, что если глагол СВ в прошедшем времени употреблен сам по себе и нет специального глагола (или, может быть, какого-то другого средства), указывающего на Р', то возникает перфектная, ориентированная на момент речи или иную точку отсчета интерпретация. Поскольку многие, в первую очередь нарративные, тексты на такую точку отсчета как правило не ориентированы, то изолированное высказывание с глаголом СВ (типа *Иван вошел*; еще показательнее примеры, заведомо исключаящие перфект: *Цезарь двинулся войной на Фарнака*) звучит здесь как "неполное", еще требующее что-то сказать о Р' (для последнего предложения это может быть... *и его разгромил*). Учитывая, что изолированный или первый во фразе СВ чаще всего ориентирован на будущее (о чем – ниже), СВ оказывается своего рода движителем повествования – свойство, которое Б. Гаспаров назвал метафизикой русского вида [Gasparov 1990], но которое все-таки поддается рациональному объяснению.

5.2. Если указания на Р' контекст не содержит, то Р' надо восстановить.

При этом актуальны следующие обстоятельства. Во-первых, в типичном случае Р' локализуется во времени. Примеры с не локализованными во времени Р', вроде *Джон родился в США и является американцем*, где Р' = '*Джон является американцем*', сугубо маргинальны. Во-вторых, если известно, что есть две (или несколько; для простоты считаем, что их две) ситуации Р и Р', то, как мы уже упоминали, к одному и тому же интервалу они приурочиваются только при особых условиях – когда иное недопустимо или малоестественно (ср. (11–12)). Таким образом, по умолчанию ожидается, что ситуация Р' занимает какой-то интервал времени (t'), причем не тот же самый, что ситуация Р.

5.2.1. Если контекст не дает готового Р', то совершенно естественно искать по крайней мере готовый интервал t'.

В этом качестве чаще всего используется прагматически самый доступный интервал – какая-то явная из контекста "точка отсчета" или момент речи, и возникает *перфектное* значение СВ. Не усложняя наши рассуждения, будем говорить только

о втором варианте¹¹ и предполагать (почему – прояснится ниже, см. 5.2.3), что глагол относит действие к плану прошедшего. В таком случае СВ означает, что (а) имело место Р и (б) *Говорящий* мыслит, среди прочего, что-то, что имеет место в момент речи¹².

Достаточно ли истолковать перфектный СВ таким образом? Часто его признаком считают *сохранение результата* Р в момент речи. При этом подразумевается, что "результаты" бывают разного типа: без труда можно разграничить результат прямой и результат косвенный. Так, для *X сел, X лег, X сварил суп* прямой результат, соответственно, – 'X сидит', 'X лежит', 'суп существует'; косвенный результат может состоять, например, в том, что *X выполнил приказ* или *обещание* сесть, лечь или сварить суп, *выиграл пари*, что сумеет это сделать, и т.п. Косвенные результаты в принципе бесконечно разнообразны, а между тем перфектный СВ часто употребляется именно ради какого-то косвенного, а не прямого эффекта Р (может быть загодя известно, что прямой результат Р к моменту речи не сохранен).

Если даже такое размытое понятие о результате нас не смутит, учтем еще, что, когда это специально оговорено, *никакого* из релевантных эффектов Р может не быть – а внимание к актуальной в момент речи ситуации безусловно сохранено. Ср.:

(24) а. Я съездил в Париж (релевантный результат: 'я имею представление об этом городе' или 'я получил какие-то впечатления' и т.п.);

б. Я съездил в Париж – и ровным счетом никаких впечатлений не привез (не видно, какой релевантный результат налицо).

Коротко говоря, перфектные употребления СВ столь многообразны, что общий знаменатель, если его искать – а интуитивно он есть – состоит только в *интересе* Говорящего к тому, что есть в момент речи. Другое дело, что, поскольку глагол СВ сообщает о каком-то изменении мира и *при этом* обращено внимание на состояние мира в момент речи, то очень вероятно, что вызвано такое именно сохранением к моменту речи каких-то эффектов действия: отсюда иллюзия тождества между перфектом и результативом.

Адекватно наше объяснение и в другом: в обсуждаемых контекстах совершенный вид, в отличие от несовершенного, обычно не просто информирует Адресата, но и побуждает к определенным (часто речевым) действиям. Давно замечено, что, например, фраза *Я прочитал эту книгу*, в отличие от *Я читал эту книгу*, – это скорее всего приглашение книгу обсудить, а фраза *Я сварила суп* (ср. *Я варила суп*) – весьма вероятное приглашение супа отпробовать.

З а м е ч а н и е. Достоинно внимания, что здесь русский СВ очень похож на английское время *Present Perfect* и на соответствующую форму во многих других языках. Ср.: "Вызванное событием результирующее состояние может длиться бесконечно, однако при этом представлять ситуацию как временную с точки зрения "кризисной стратегии" (crisis management): результирующее состояние прекратится, как только собеседники определяют стратегию преодоления последовавшего кризиса, хотя поро-

¹¹ Впрочем, стоит помнить, что в реальных употреблениях СВ очень часто предполагает особую, не совпадающую с моментом речи точку отсчета. От чего зависит ее возникновение – интересная и во многом выходящая из лингвистики в поэтику тема (ср. [Падучева 1996]), но именно в силу последнего обстоятельства заниматься ею надо все-таки *во вторую* очередь.

¹² Иногда, в более редких случаях, которые специально не рассматриваются, бывает так, что необходимый материал для "цепи" есть, но СВ все равно имеет *перфектное* значение, которое подсказывается специальными средствами. Ср.: *Когда мне дали творческий отпуск, я написал статью* (значение скорее не перфектное, а "цепное"); *Теперь, когда мне дали творческий отпуск, я написал статью* (благодаря слову *теперь*, значение почти наверняка перфектное).

Кроме того, возможен случай, когда материал для "цепи" опять-таки есть, но из более широкого контекста видно, что "цепь" в данных обстоятельствах малоинформативна: это просто не то, что важно для Говорящего. К сожалению, назвать формальные приметы такой интерпретации едва ли можно.

дившая этот кризис ситуация... может и не прекращаться" [Michaelis 1994: 142; перевод наш].

5.2.2. Наконец, помимо "цепи" и перфекта, есть еще третий случай – когда контекст вообще не дает материала для восстановления Р'. Самый простой (хотя далеко не единственный) пример здесь – употребление СВ в будущем времени в предложениях типа

(25) Я сварю суп.

(26) Ивана уволят.

(Заметим, что расширение этих фраз до *Я сварю суп и подам на стол; Ивана уволят, и он должен будет искать новую работу* создает "цепь"; если же предполагается какая-то "опорная точка" в будущем, то возникает перфект.)

Надо думать, Р' восстанавливается в (25–26) исходя из значения *самого* глагола. Глагол СВ безусловно существует в первую очередь ради того описания событий, которое содержится в Р: поэтому именно Р или по крайней мере его часть является ассерцией¹³, и именно к Р сводится содержание соответствующего глагола в безвидовых языках. Получается, что как раз необходимость сказать Р (пускай и вместе с иными обстоятельствами, делающими в данном контексте предпочтительным именно совершенный вид) заставляет Говорящего мыслить какие-то другие ситуации Р'. Тогда естественнее всего, чтобы эти ситуации *и в реальности*¹⁴ сопровождали ситуацию Р, т.е. были либо ее последствиями, либо необходимыми предпосылками.

И СВАРИТЬ, и УВОЛИТЬ – как и подавляющее большинство остальных глаголов совершенного вида – обозначают какое-то изменение¹⁵; если Говорящий о нем сказал, то самый очевидный кандидат на роль Р' – то измененное состояние мира, которое имеет место *после* Р (эту интерпретацию СВ можно назвать квазиперфектом). Этим объясняется неловкость СВ в последней реплике диалога:

(27) – Я вам буду звонить / позвоню в десять часов.

– Меня может не быть.

– Неважно, все равно буду звонить / позвоню.

Из первой реплики ясно, что интересующее Говорящего Р' – это возможность поговорить по телефону с Адресатом (а не, например, с его родными), в третьей же реплике такое Р' предполагаться не может, и это создает серьезную угрозу связности диалога. Очевидно, подобное объяснение – а никакого более простого мы не видим – опирается на мысль, что совершенный вид предполагает в (27) какую-то локализованную после Р ситуацию Р'.

Напрашивается как будто предположение, что на роль Р', как и в случае с перфектом, может претендовать *что-то наличное в момент речи* (чем бы оно ни оказалось), неверно. Действительно, во фразах типа *Я сварю суп; Ивана уволят; Я позвоню* идея о том, что будет *после* (и *вследствие*) Р, и идея о том, что *есть в момент речи*, прагматически одинаково доступны, так как оба эти представления предзаданы: первое – (лексической) семантикой глагола, второе – самой речевой ситуацией. Однако первая идея имеет огромный перевес в том смысле, что *непосред-*

¹³ Вопрос, каков коммуникативный статус собственно видовых сем (20а) и (20б), здесь решать необязательно; им мы намерены заняться в другой работе.

¹⁴ О том, в какой степени (гораздо большей, видимо, чем думал даже Р. Jakobson) язык иконичен, см. [Givón 1995].

¹⁵ Сказанное *mutatis mutandis* относится и к пердуративам (глаголам типа ПРОСПАТЬ (какое-то время)). Хотя очень сомнительно, чтобы они обозначали изменение мира в узком смысле (ср. выше пример (3) и комментарий к нему), пердуративы тем не менее ощутимо динамичны, несут идею движения "сквозь" время и потому задают вектор от прошлого к будущему.

Можно также считать, что изменение мира обозначается и делимитативами типа ПОСПАТЬ, только изменение это куда менее явное, и у делимитативов в будущем времени соответствующие черты могут и проявляться, и не проявляться; см. 5.3. Замечание 5.

ственно связана с конкретным глаголом и прямо отражает его специфику (результаты, например, *варки супа, увольнения и звонка* заведомо разные и связаны с конкретной речевой ситуацией), в то время как вторая гораздо более размыта: если считать, что $P' =$ 'то, что есть в момент речи', это скорее всего значит, что P' суть какие-то *предпосылки* к осуществлению P . Ясно, что понятие о предпосылках P несопоставимо туманнее понятия о результатах, и последнее – как обеспечивающее большую информативность высказывания – и должно выигрывать конкуренцию за роль P' . Иными словами, в случае с перфектом имеет место благоприятное совпадение: Говорящего интересует нечто локализованное во времени *после* P , и это нечто может быть связано с прагматически хорошо доступным моментом речи, который *тоже* находится *после* P . В данном случае подобной гармонии нет, и первое обстоятельство оказывается важнее. Поэтому ниже обсуждаемая возможность – что во фразах типа *Я сварю суп; Ивана уволят* роль P' выполняется чем-то прикрепленным к моменту речи – учитываться не будет.

В том же самом – что Говорящего действительно *интересует то, что будет после* P , – легко убедиться, немного расширив (25) и (26):

(25') Я сварю суп. Купи, пожалуйста, перца.

(26') Ивана уволят. Надо ему помочь.

(25') естественнее понять в том смысле, что перец будет положен в *готовый* суп, а (26') – в том, что помогать Ивану надо *после* его увольнения¹⁶. Особенно это наглядно, если поставить в (25'–26') глаголы *несовершенного* вида:

(25'') Я буду варить суп. Купи, пожалуйста, перца.

(26'') Ивана будут увольнять. Надо ему помочь.

Отличие НСВ от СВ заведомо не проходит здесь по линии 'много-/однократность'; кроме того, в будущем времени (как, между прочим, и в модальных контекстах) крайне маловероятна оппозиция 'безуспешное / успешное действие' [ср. Boguslawski 1985]. По всей видимости, НСВ служит в (25''–26'') главным образом, чтобы переменить перспективу и подчеркнуть интерес Говорящего к тому, что есть или будет *перед* P' ¹⁷. Так, (25''), в отличие от (25'), скорее всего значит, что перец добавляется к супу *в ходе* его варки, а (26''), в отличие от (26'), – что Ивану надо помогать *до* увольнения (может быть, помогать психологически, может быть, самое увольнение предотвратить). Учитывая это, именно несовершенный вид обычно связывается с идеей "намерений" (у фраз *Я буду варить суп; Ивана будут увольнять* этот оттенок гораздо ощутимее, чем у *Я сварю суп; Ивана уволят*) или с мыслью, что действие обусловлено какими-то наличными (либо уже в момент речи прогнозируемыми) обстоятельствами. Так, если человек находится в пустом театре и хочет посмотреть на зрительный зал, он скажет *Зайду в зал*; если же он пришел на спектакль и слышит третий звонок, то сказать надо: *Буду заходить*. То же явление давно отмечалось для русского императива; например, фраза *Зайдите* – чистое волеизъявление Говорящего, в то время как *Заходите* значит нечто вроде 'я обращаю внимание (свое и, следовательно, ваше) на то, что есть сейчас (например, на то, что вы стоите у дверей), и говорю: я хочу, чтобы вы зашли', и волеизъявление здесь *обосновывается*; отсюда более вежливый характер фразы *Заходите*. Отсюда же и особая окраска несовер-

¹⁶ Не опровергает сказанного пример *Купи перца – я сварю суп*. Здесь покупка предполагается *до* варки супа, но и дело мы имеем с другим явлением, а именно с "цепью". В (25') важно то, что сообщение *Я сварю суп* делается до и независимо от *Купи перца* и осмысливается само по себе: еще до появления второй фразы должно быть восстановлено то, что предполагается значением глагола *сварю*.

¹⁷ Мы исходим из известного и очень хорошо согласующегося с нашей точкой зрения тезиса, что НСВ – своеобразное гибкое отрицание СВ, способное затрагивать и его логическое содержание, и порожденные им импликатуры [Boguslawski 2000].

шенного вида в часто обсуждаемом примере: кто-то в ресторане попросил официанта дать воды; если после долгого ожидания он скажет *Давайте воду*, то прозвучит это не мягче, а грубее, чем *Дайте (же) воду*. Дело в том, что здесь Говорящий обращает внимание Адресата на обстоятельства, которые тому *заведомо известны*, а это не что иное как *напоминание* – и потому значительно жестче. (Заметим также, что способность переключать перспективу – с соответствующим переносом в прошлое и точки отсчета – есть у НСВ и в прошедшем времени; ср.: *Иван уедет vs. Иван будет уезжать, Наавтра Иван уехал vs. Наавтра Иван уезжал*. Предпоследняя фраза имплицитно интересуется к тому, что было *после* события, а последняя – к тому, что было *до*.)

Разумеется, коль скоро речь идет о прагматике, описанная закономерность иногда нарушается (например, допустимо сказать: *Я сварю суп. Зажги огонь*), однако для глаголов, чей "сценарий" Р прямо говорит об изменении мира, она несомненна.

Больше того, хотя при подобном употреблении СВ контекст не предоставляет готового материала или подсказки для восстановления Р', в другом смысле как раз такое употребление *наиболее нейтрально*. Если мысленно освободить Р от видовых сем (20а-б), то оно и само по себе – будучи *сообщаемо* и говоря о каком-то изменении мира – предполагает интерес к эффекту этого изменения [Johnson 1981: 152]. Иными словами, здесь собственно видовая информация лишь подчеркивает и так подразумеваемый интерес к эффекту Р, причем к эффекту не в определенный момент, например в момент речи, как при перфектной интерпретации, а к эффекту в *некоторое произвольное время* (т.е. во время, когда этот эффект есть). Подчеркнем, что интерес к эффектам Р – и здесь, и в случае перфекта – тоже связан с прагматикой. Сама *семантика* глаголов СВ логически допускает, что достигнутое изменение мира *немедленно утрачивается*. Так, даже экзотическая ситуация, когда, например, сваренный суп немедленно улечивается, существованию описываемого глаголом СВАРИТЬ "сценария" отнюдь не угрожает. Иными словами, здесь возникает своего рода конфликт между семантикой глагола и требованиями прагматики. Прагматика предполагает, что действие мыслится вместе со своими эффектами, вместе с "последствием", а семантика глагола в сравнении с этой потребностью "урезана" и в норме домысливается до, так сказать, полного сценария¹⁸.

Из сказанного следует, что в будущем времени при отсутствии "цепи" и при отсутствии какой-либо точки отсчета, позволяющей перфектное понимание, СВ своими собственно видовыми семами (20а-б) не сообщает ничего такого, что без них не было бы сообщено; таким образом, он совершенно *нейтрален*, а от НСВ следует ждать "спецэффектов", чему данные выше примеры служат неполной, но достаточной иллюстрацией.

З а м е ч а н и е. Из сказанного выше следует, между прочим, что уже в силу своего *лексического* значения событийный глагол (глагол, обозначающий скачок в новое состояние) непременно, в том числе при "цепном" употреблении, должен привлекать внимание к послескачковой фазе. Действительно, хотя в "цепи", где по определению есть эксплицитное Р, собственно видовые семы СВ этого не требуют, такое внимание несомненно есть. Ср.: *Он купил продукты и варил суп, так что понадобился перец; Он купил продукты и сварил суп, так что понадобился перец*. Вторая фраза, в отличие от первой, с очень большой вероятностью подразумевает, что перец клался в *готовый* суп.

¹⁸ Ср.: "...фазы события начинаются в то самое раннее время, когда событие уже можно считать конкретной реальностью... и длятся до самого позднего времени, пока данное событие продолжает влиять на характер последующих" [Johnson, 1981: 152; перевод наш]. Для нас важно, что между подготовительной фазой и последствием нет полной симметрии в плане их прагматической доступности: характер *последствия*, по крайней мере частично, *закодирован* в значении разбираемых глаголов, и потому именно *последствие* должно привлечь внимание в первую очередь.

(Может возникнуть соблазн усматривать в подобных примерах просто квази-перфектное, а не "цепное" значение, но это неправильно, поскольку, разбив "цель" (*Он купил продукты; Он сварил суп*), мы получим безусловный перфект, с явным интересом к тому, что налично в момент речи.)

5.2.3. В итоге оказывается, что СВ в прошедшем и будущем времени интерпретируется по-разному. Если нет эксплицитной "цели", то прошедшее время почти всегда (об исключениях – ниже) получает *перфектное*, но не *квазиперфектное* значение. Например, фраза *Я написал письмо*, если взять ее без соответствующего контекста и считать, что Говорящий не интересуется наличным в момент речи положением дел, звучит весьма странно. С другой стороны, такое вполне естественно для будущего времени – а также, заметим, и для СВ во многих модальных контекстах, которые здесь не обсуждаются, но СВ тоже часто имеет в них квазиперфектное значение: во всех этих случаях результат или другой эффект Р *не привязывается* к какому-либо определенному, существующему безотносительно к Р моменту референции. Уместен вопрос, *почему* квазиперфект в прошедшем времени избегается: ведь понятие об эффектах Р *прагматически как будто не менее доступно*, чем эксплуатируемое перфектом понятие о моменте речи.

Если, как мы сделали это выше, считать, что перфектом сигнализируется только интерес к *моменту речи*, то ответ более чем очевиден: просто информативность квазиперфектной интерпретации очень низка, ибо здесь несомый видовой граммемой смысл (интерес к Р) лишь подчеркивает и без того естественное внимание к эффектам события Р, связанное же с перфектной интерпретацией внимание к моменту речи куда менее тривиально. С другой стороны, как мы уже говорили, при равной доступности двух интерпретаций предпочтительна более информативная.

Если же мы снимем принятое выше ограничение и признаем, что перфект сигнализирует о внимании к *любой* точке отсчета, а не обязательно к моменту речи, то обсуждаемый вопрос окажется сложнее.

Для начала стоит его слегка переформулировать. Допустим, употребляя глагол совершенного вида в прошедшем времени, мы заведомо *не интересуемся* ситуацией, которая налична в момент речи. Сравним теперь фразы *На будущий день рождения я подарю ей цветы* и *На прошлый день рождения я подарил ей цветы*. Интуитивно ясно, что вторая, в отличие от первой, имплицитно представляет о более или менее *определённом* моменте, таком, что (а) этот момент *не совпадает* с моментом речи; (б) говорящему важна ситуация, наличная в этот момент (т.е. глагол относительно этого момента перфектен). Другими словами, в первой фразе действие тривиально подается с точки зрения момента речи, а во второй – с точки зрения какого-то особого опорного момента в прошлом. Вопрос, следовательно, в том, откуда эта новая точка отсчета берется.

Можно полагать, дело объясняется семантикой прошедшего времени, а именно – более узкой, чем в будущем времени (а также в императиве, инфинитиве и, вероятно, в сослагательном наклонении), когнитивной установкой Говорящего: прошедшее время сигнализирует, что ситуация помещена в ряд уже состоявшихся и закрепленных во времени ситуаций. Будущие (равно как возможные, желательные и т.д.) ситуации допускают, что о них никто в настоящее время *не знает и знает не может* [ср. Johnson 1981: 146–147]. Сказать, что о прошлых событиях никто – никто в буквальном смысле слова – не может знать, более чем экзотично и по сути равносильно утверждению, что этих событий *не было вовсе* [Boguslawski 1994]. Не менее экзотично и предположение, будто сам Говорящий знает о событии Р, но ничего другого о прошлом не знает. Можно поэтому предположить, что форма прошедшего времени *семантически* сигнализирует о помещении данного события Р в ряд известных, в частности Говорящему, событий.

Думать так есть и посторонние причины. Почему можно сказать *Иван иногда (редко) к нам зайдет*, но нельзя **Иван иногда (редко) к нам зашел*? (Заметим, что в польском языке, чья видовая система почти идентична русской, подобные высказывания допустимы; как это объяснить, мы не знаем.) Наречия ИНОГДА Р, РЕДКО Р и некоторые другие представляют повторяющиеся ситуации Р, так сказать *en masse*, исключая сам вопрос о месте какого-то отдельного Р в ряду других ситуаций (подробнее см. [Зельдович 1994; 1995]). Будь вид глагола несовершенным, как в *Иван иногда (редко) к нам заходил*, – налагаемые формой прошедшего времени требования оказались бы исполнимы благодаря тому, что итеративная ситуация как целое локализуема в событийном ряду (например, *После детского сада я ходил в школу*; ср. [Тимберлейк 1985: 271]). При глаголе же СВ, как следует из толкования (20), каждое Р берется *само по себе*; поэтому во фразе **Иван иногда (редко) к нам зашел* возникает конфликт между значением прошедшего времени и значением наречия. (Разумеется, событийный ряд может быть и не "уникальным", а "типизированным", повторяющимся; ср.: *Иван иногда так: зашел к нам – и без всякого приглашения плюхнулся в кресло*.)

Таким образом, в прошедшем времени СВ с одной стороны, как и всегда, требует восстановить ситуацию Р', а с другой стороны сообщает о наличии известных кому-то и нормально известных Говорящему соположенных с Р ситуаций. В результате не только идея эффектов Р, но и идея иных, нежели Р или его эффекты, ситуаций, в контексте присутствует и хорошо доступна – и, как мы уже говорили, она *информативнее*, чем идея эффектов Р.

В будущем времени (и модальных контекстах) *других* известных событий может не быть, и тогда (квазиперфектное) осмысление СВ обходится минимальным материалом.

5.2.4. Заканчивая рассматривать случай употребления совершенного вида, когда множество М одно, позволим себе еще несколько замечаний.

З а м е ч а н и е 1. Интересно, что большая разветвленность – а потому и специфичность – форм и значений прошедшего времени по сравнению с будущим скорее всего является языковой универсалией [Comrie 1976: 31, 32].

З а м е ч а н и е 2. Даже попадая в ирреальный контекст (например, *Она, кажется, сварила суп*), форма прошедшего времени гипотетическое событие (конечно, тоже гипотетически) помещает в *реальный* временной ряд, и возникает перфектное значение (так, в последнем примере по сути говорится о том, что *суп, кажется, существует*).

З а м е ч а н и е 3. Иногда о реальных событиях прошедшего говорит форма *инфинитива*, но информация, что событие помещается в ряд других, ею ни в коем случае не выражается, ибо инфинитив свободно осмысливается по квазиперфектной модели (*Хочу сварить суп; Сварить суп – дело нехитрое*). Перфектное значение во фразах типа *Мне удалось сварить суп* связывать с инфинитивом нет никакой надобности, так как в подобных конструкциях всегда есть другой – и несомненный – носитель перфектного значения, в данном случае – глагольная форма *удалось*.

З а м е ч а н и е 4. Подчеркнем, впрочем, что описанные правила относятся к прагматическим и, значит, не абсолютны. Там, где *несовершенный* вид по каким-либо причинам недопустим и СВ в прошедшем времени *обязателен*, он может не требовать ни "целной", ни перфектной интерпретации. Например, нельзя сказать, что кто-то *рождался* в определенном году или *выигрывал* – в результативном смысле – определенный матч; поэтому фразы *Пушкин родился в 1799 году; Ботвинник выиграл матч-реванш у Таля* тоже являются примером квазиперфекта.

З а м е ч а н и е 5. То, что говорилось о квазиперфекте, полностью относится только к каноническим, прямо обозначающим *изменение*, глаголам СВ. Несколько иначе ведут себя глаголы типа ПОСПАТЬ, у которых Р – будь это само состояние

(‘спать’) или состояние вместе с неким “довеском” – безусловно гомогенно и *прямо, на уровне своей семантики, об изменениях мира не говорит*. Разумеется, усмотреть здесь изменение мира можно (например, если кто-то *поспал*, то он в результате может быть бодр, готов работать и т.п.), однако существенно, что такое восстановление Р’ скорее опирается на общие знания о мире, а не на то, что высказывание содержит в *закодированном* виде, и поэтому подобное осмысление допустимо, но *не предпочтительно* перед какими-то другими. Для делимитативов можно представить себе – и они реально существуют – еще два типа осмыслений, при которых Р’ оказывается *не эффектом* Р, а чем-то иным, и при этом, естественно, возникают особые оттенки в значении СВ (по сути эти типы хотя и очень локальны, но совершенно самостоятельны, отличаясь и от “цепи”, и от перфекта, и от квазиперфекта)¹⁹.

При первом типе Р’, как и при перфекте и квазиперфекте, локализуется *после* Р, только представляет собой не эффект Р, а нечто *неопределенное*. Здесь смысл СВ в том, что Говорящему важно, что помимо и после называемой ситуации есть или будут *какие-то другие*. Этим объясняется, почему предложения *Я посплю, Я погуляю* часто имеют отчетливый оттенок ограниченности (нечто вроде ‘я буду спать/гулять не все (релевантное) время; после этого я займусь чем-то другим’).

При втором типе Р’ локализуется *до* Р, и фраза получает общий смысл ‘я имею в виду нечто, что есть сейчас или будет (Р’); после этого будет Р’. Самая очевидная интерпретация этого смысла состоит в том, что Р’ является каким-то условием или предпосылкой для Р. Те же самые фразы *Я посплю, Я погуляю* могут использоваться, чтобы обратить внимание Адресата на что-то очевидное (или предполагающееся таковым), например, на то, что Говорящий уже приготовился ко сну, устал, уже одет для прогулки и т.п. Отсюда своего рода оправдательно-аргументативный оттенок, которого нет у соответствующих предложений с несовершенным видом *Я буду спать, Я буду гулять*²⁰.

З а м е ч а н и е 6. Описанный выше тип употребления СВ (с “цепной”, перфектной и квазиперфектной интерпретацией как частными случаями) обычно именуют конкретно-фактическим. Точно таким же образом можно описывать и так называемое ограниченно-кратное употребление. Во-первых, как хорошо известно, тот временной промежуток, где локализируются отдельные действия, должен быть достаточно компактен. Фразы типа

(29) Он несколько раз постучал в дверь.

(30) Мы трижды предупредили его об урагане.

¹⁹ То, что здесь действительно должно быть некое Р’, видно из примера:

(28) – Что ты будешь делать?

– Буду спать.

– А еще что?

– Говорю же тебе – буду спать.

(28’) – Что ты будешь делать?

– Посплю.

– А еще что?

– Говорю же тебе – посплю.

²⁰ Очень любопытно, что в случае подлинно видовых пар (каковыми пары ПОСПАТЬ – СПАТЬ и ПОГУЛЯТЬ – ГУЛЯТЬ ни в коем случае не являются) распределение функций между видами иное: как показывают рассмотренные выше примеры типа *Заходите vs. Зайдите, Дайте воду vs. Давайте воду*, здесь *несовершенный* вид используется, чтобы привлечь внимание к тому, что имеет место *до* Р. Происходит так по уже объясненным причинам: с одной стороны, глаголы здесь обозначают *изменение* и потому именно *результат* изменения оказывается первым и главным кандидатом на роль Р’; с другой стороны, несовершенный вид, по нашему мнению (которое мы, к сожалению, не можем здесь подробно обосновать), вступает в игру как раз там, где совершенный неуместен – причины же его неуместности могут быть в каждом случае свои.

допускают только, что ряд действий имел место в рамках одной объемлющей ситуации [Тимберлейк 1985: 271–272]: если удары в дверь разделены несколькими часами, о них нельзя сказать с помощью (29), а предложение (30) непременно имеет в виду *один и тот же ураган*. Во-вторых, недопустимо слишком большое число отдельных актов: *‘Он триста раз ударил (⇒ ударял) в дверь; ‘Он много раз проведal (⇒ проведывал) товарища*. Это обстоятельство тоже свидетельствует, что время ситуации рассматривается как некая компактная целостность. В-третьих, отдельные действия должны (хотя бы потенциально) иметь совокупный эффект [Маслов 1984: 80]. Например, многократный стук в дверь может соответствовать условленному сигналу или с большей вероятностью привлечь внимание хозяина; многократные предупреждения могут лучше убедить и т.д. Таким образом, для ограниченно-кратного значения по сравнению с конкретно-фактическим специфично лишь то, что в сферу действия видовой граммы входит количественный показатель **СТОЛЬКО-ТО РАЗ** – который есть не что иное, как предусмотренная выше добавка *A*, вместе с которой данное *P* единично (см. 4.3).

6. Мы рассмотрели случай употребления СВ, когда множество *M* *одно*. Во избежание неясности позволим себе еще небольшое отступление, касающееся того, как выбирается одна, нужная, из трех главных – “цепной”, перфектной и квазиперфектной – интерпретаций глагола.

По логике наших рассуждений, там, где помимо *P* есть другая эксплицитная ситуация она становится *P'*, и возникает “цепная” разновидность СВ. Однако какая-то иная, чем данное *P*, ситуация есть практически *во всяком* тексте, и интуитивно несомненно, что не любая эксплицитная ситуация на роль *P'* годится. Чтобы убедиться в последнем, рассмотрим пример:

(31) а. Лучше купить готовые котлеты, чем жарить их самому;

б. Лучше купить готовые котлеты, чем поджарить их самому.

Фраза (б), где во втором случае вместо НСВ *жарить* употреблен СВ *поджарить*, сильно отличается от (а) по смыслу: здесь имеется в виду, что покупные котлеты сами по себе лучше домашних, между тем как (а) допускает и эту интерпретацию, и другую, при которой сама *покупка* предпочтительна перед жаркой. Такую суженность значения у (б) нетрудно объяснить – и другого объяснения мы не видим. – если признать за обоими глаголами *квазиперфектное* значение ‘Говорящий мыслит себе (и, следовательно, она его интересуется) ситуацию-результат ситуации *P'*, т.е. ‘Говорящего интересуется результат покупки котлет’ и ‘Говорящего интересуется результат жарки котлет’. Однако предложение (б) говорит о предпочтении первого второму; в первом приближении это значит ‘Говорящий хочет покупки котлет (и, следовательно, ее результата)’ и ‘Говорящий не хочет жарки котлет (и, следовательно, ее результата)’. Если в обоих случаях предполагается *один и тот же* результат – в виде наличия котлет (а разница в качестве, если и есть, то в расчет не берется). – то значение фразы (б) оказывается внутренне конфликтным, чем и блокирована тут одна из допустимых в (а) интерпретаций.

Таким образом, чтобы объяснить обсуждаемое различие, у глаголов СВ в (31) надо усматривать *квазиперфектное* значение. Тогда нет никаких оснований видеть здесь признаки “цепи”.

На самом деле выбор / не-выбор “цепной” интерпретации управляется закономерностями более сложными, чем это предполагалось выше. Вспомним наши рассуждения по поводу семы (20а). Мы отказались от формулировки ‘существует множество ситуаций, включающих данную’, потому что эта информация семантически тривиальна: такое множество существует *всегда*, – и предпочли сказать, что ‘Говорящий *мыслит* множество (множества) ситуаций (*M*), в которое (в каждое из которых) входит то, что или о чем говорится с помощью “*P*”’. Однако мы не

упомянули, что и эта формулировка тривиальна, только *прагматически*: едва ли наберется много текстов, которые можно породить, не мысля *многих* ситуаций. В отличие от *семантических* тривиальностей, прагматические имеют право на существование (без смысловых сдвигов, происходящих в случаях типа *Иван есть Иван*), как имеют это право сообщения, что Волга впадает в Каспий, а сахар сладкий (но не *сахарный*), поэтому пересматривать данное совершенному виду толкование (20) не обязательно. Важно только знать, что и в пункте (а) оно требует доосмысления: чтобы пункт (а) был информативен, надо *сузить* множество мыслимых ситуаций.

Самый прямой, "немаркированный" способ сказать о ситуации – это назвать ее прямо, с помощью соответствующего предиката и его актанта. Совершенный вид говорит о ситуациях *P'* отнюдь не так, а использует своего рода фигуру демонстративного умолчания или намека. Главная цель здесь, как мы уже говорили, – назвать ситуацию *P*, которая эксплицитна и связана с ассертивной частью в значении глагола как целого. При таком положении дел незачем было бы вообще как-то указывать на ситуации *P'*, если бы они не оказались связаны с *P*, причем связью более сильной, нежели просто ассоциации Говорящего. Тривиальнее всего здесь, конечно, соположенность ситуаций во времени и/или причинно-следственные отношения. Применительно же к (31) сказать, что две ситуации в каждой фразе *связаны*, достаточно странно²¹.

Заметим еще, что именно требование о *нетривиальной* связи *P* и *P'* исключает как будто допустимую интерпретацию фраз "*Маленькие трагедии*" Пушкин написал в Болдине; "*Маленькие трагедии*" Пушкин написал Болдинской осенью в том смысле, что *P* здесь 'Пушкин написал "*Маленькие трагедии*"', а *P'* – 'это было в Болдине', 'это было Болдинской осенью'. Дело в том, что такое *P* (некоторое действие) с таким *P'* (его местом или временем) *не связаны быть не могут*, т.е. связь события с местом и временем всегда тривиальна; безинформативно и абсурдно сообщать, что написание "*Маленьких трагедий*" или иное пространственно и темпорально локализованное событие *связано* со своим местом или временем. Поэтому в приведенных примерах реализуется не цепная (цепная, конечно, тоже возможна, но только если в более широком контексте есть хороший кандидат на роль *P'*), а перфектная интерпретация – которая в случае со значительным художественным произведением более чем уместна; там, где идея сохраненного результата или вообще интереса к моменту речи малоестественна, подобные предложения звучат странно: например, фраза *На Кавказ я приехал в 1960 году* уместна в устах осевшего или регулярно бывающего там человека, но не человека, побывавшего там один или несколько раз в далеком прошлом.

7.0. Теперь обратимся ко второму типу употребления СВ, когда множество, в каждом из которых *P* единично, имеется *много*. Как говорилось, этот вариант прагматически сложнее предыдущего и реализуется только под давлением контекста. Так обстоит по двум причинам.

Первая в том, что мыслить *один* объект при прочих равных условиях проще, чем *много* объектов. Вторая, еще более важная, связана с *характером* нашего объекта. Поскольку множество – это мыслительный конструкт, у объектов должна быть некая объединяющая черта; говоря языком логики, оно должно быть *естественным* (теоретически возможный вариант, когда множество задается списком, здесь едва ли

²¹ Заметим, что с похожей и давно обсуждаемой проблемой сталкивается теория условных конструкций. Толкуй мы *Если P₁, то P₂* как 'невозможно (*P₁* и не-*P₂*)', должна оказаться удачной очень сомнительная фраза **Если будет хорошая погода (P₁), то дважды два равно четырем (P₂)*. Очевидно, что *P₁* и *P₂* всегда как-то *содержательно* связаны, но объяснить эту связь крайне трудно, и это одна из причин, почему некоторые авторы, в первую очередь А. Вежбица, считают ЕСЛИ семантическим примитивом.

релевантен, хотя бы потому, что значение СВ отнюдь не требует полного перечисления составляющих М членов и допускает, что М – естественное множество, а задание множества списком столь неэкономно, что имеет смысл, только если нет другого выхода). Там, где М одно, оно, в согласии с толкованием (20), строится как множество ситуаций, которые в момент речи мыслит Говорящий (и которые, следовательно, его интересуют). Если множеств М много, то этот способ их конструирования уже не годится – ибо если множества М суть просто множества ситуаций, которые Говорящий *мыслит* (которые Говорящего *интересуют*), то неясно, как эти множества *отличимы* одно от другого. В результате то общее, что есть у Р и Р', должно восстанавливаться из контекста.

Очень часто – хоть и не всегда – этим обжим оказываются причинно-следственные (в предельно ослабленном, вероятно до *post hoc ergo propter hoc*, понимании) связи, о которых сообщает посторонний данному глаголу контекст; тогда каждое М отлично от других тем, что составляет самостоятельную "причинно-следственную пару".

7.1. Наиболее эксплицитен – и сходен с описанной выше "цепью" – случай так называемых соотносительно-кратных конструкций, когда в тексте прямо названы и Р, и связанная с ним ситуация Р', причем между ними есть – выраженные синтаксической конструкцией, интонацией, а иногда и специальными лексическими средствами – причинные или квазипричинные отношения. Ср.:

(32) Захотел – пришел на работу.

(33) Он же как всегда. Послушал меня, сел и забыл.

(34) Теперь я знаю каждое ее слово. Она сама вечером прибежит и все расскажет (Л. Толстой).

(35) Чего-чего только не придет в голову, пока его дожدهшься. Три раза похоронишь, а девять приревнуешь (Е. Шварц).

(36) Перерывы между моими посещениями Переделкина бывали долгими... Один раз за лето я появлюсь в доме Корнея Ивановича, затем надолго исчезну (Н. Ильина).

(37) Этак всегда кричит человек: "подавайте! подавайте!", а подашь – так и рассердится (Н.В. Гоголь)²².

(Р и Р' мы никак не маркируем: их распределение для каждого ряда "СВ + СВ" зависит просто от того, какой именно глагол нас интересует, т.е. соотношения, как и в случае с "цепью", зеркальны; бывает, впрочем, и так, что глагол СВ входит в ряд с видом несовершенным, например, в *Хочу – пришел на работу*).

Соотносительно-кратные конструкции еще требуют классификации и изучения. В предварительном порядке скажем только, что они неоднородны и в интересующем нас аспекте, так как видовая семантика глагола может вносить в их значение и больший, и меньший вклад.

Легко видеть, что соотносительно-кратные конструкции реализуют смысловую модель

(38) Когда Р₁, Р₂,

причем предполагается, что и Р₁, и Р₂ осуществляются *многократно*.

Поскольку сообщать о многократных ситуациях составляет самую неоспоримую и универсальную функцию *несовершенного* вида, то он употребляется в подобных случаях без всяких ограничений – как, например, в (39а–41а):

(39а) Приходя домой (Р₁), Иван ложится спать (Р₂).

(40а) Иван, когда приходит домой (Р₁), ложится спать (Р₂).

(41а) Иван приходит домой (Р₁) – и ложится спать (Р₂).

Что касается совершенного вида, то он, по своей сути, называя ситуацию А, заставляет автоматически мыслить и какую-то ситуацию В. Поэтому он уместен там, где одна ситуация естественным образом вызывает представление о другой. Применительно к структуре (38) это без оговорок справедливо для ситуации-"причины" ("причины" – повторим – в предельно ослабленном понимании), Р₁. Можно ожидать,

²² Некоторые примеры – из [Гловинская 1989] и [Бондарко, Буланин 1967].

что в роли P_1 совершенный вид будет употребляться без существенных отличий от несовершенного: использование обоих видов мотивировано уже *наличными* в контексте смыслами: несовершенного – многократностью, а совершенного – причинно-следственной связью P_1 с P_2 . Действительно, соответствующая трансформация мало что меняет в значении примеров (39а–41а); ср.:

(39б) Придя домой (P_1), Иван ложится спать (P_2).

(40б) Иван, когда придет домой (P_1), ложится спать (P_2).

(41б) Иван придет домой (P_1) – и ложится спать (P_2)²³.

С другой стороны, использование совершенного вида в P_2 чревато серьезным смысловым наращением. Рассмотрим примеры:

(42)³ Иван, когда придет домой (P_1), ляжет (P_2).

(43) Иван, когда придет домой (P_1), тут же (всегда, непременно, обязательно) ляжет (P_2).

(44) Иван придет домой (P_1) – и ляжет (P_2).

Предложение (42) скорее всего малопримлемо, а если и допустимо, то разве что со смыслом 'Иван *нечасто* ложится, придя домой', о котором будет речь в п. 7.3.2 и который сейчас нерелевантен. Положение сразу улучшается, если ввести слова *тут же, всегда, непременно, обязательно* и т.п., говорящие об обязательном, многократном характере связи P_2 с P_1 (ср. (43)), либо если использовать имеющую похожий смысл бессоюзную синтаксическую конструкцию (ср. (44)).

Таким образом, СВ в P_2 уместен, если только отраженная в *Когда P_1 , P_2* связь ситуаций особенно тесна и регулярна.

Как объяснить эти факты? Позволим себе следующую гипотезу.

Совершенный вид в P_2 сигнализирует, что, мысля P_2 , Говорящий мыслит и другую ситуацию, – разумеется, P_1 . Иными словами, *мысля следствие, Говорящий вместе с тем мыслит и причину*. Естественно полагать, что при этом P_2 и в реальности влечет за собой P_1 , т.е. причинно-следственные связи взаимонаправленны. Однако здесь возникает парадоксальное осложнение: если произвольная ситуация P_1 влечет произвольную ситуацию P_2 (а так в модели (38) и обстоит, просто в силу ее семантики), а P_2 влечет P_1 , то P_1 и P_2 *суть одно и то же*, ибо они друг от друга ни в одном случае *не отличимы*. Между тем в реальных примерах типа (43–44) фигурируют такие P_1 и P_2 (вроде 'прихода домой' и 'отхода ко сну'), которые никак не тождественны. Если так, то для осмысления (39б–41б) требуются по крайней мере еще один шаг²⁴. Чтобы ответить, каков именно этот шаг, обратимся сначала к посторонним примерам.

Если звонят по телефону и кто-то, сняв трубку, отвечает, что

(45) Все услыш,

то *логически* это ложно, ибо сам отвечающий безусловно дома. Тем не менее, ответ вполне удачен, и дело в том, что Говорящий просто сузил референтное пространство до какого-то ситуативно релевантного минимума. (Несомненно и важно, что суждение это высоко произвольно: кто-то, сказав (45), может иметь в виду действительно всех без исключения, кто-то – всех за вычетом маленьких детей, и т.д.).

²³ Заметим, кстати, что фразы (39б–41б) опровергают распространенное мнение, будто, обозначая реально многократное действие, СВ автоматически представляет его "партикулярно" и тем самым "наглядно" (так называемое наглядно-примерное значение; см., среди прочего, [Бондарко, Буланин 1967]). Ярлык "наглядности" здесь едва ли применим, а если даже и применим, то все равно не объясняет, почему СВ ощутимо более "картинен" в приводимых ниже примерах (43), (44) и (47а).

²⁴ Заметим, что и на уровне чистых впечатлений примеры этого типа ощущаются как намного более специфичные (следовательно, сложно устроенные), нежели фразы вроде (39б–41б), с совершенным видом в P_1 , но не в P_2 .

Аналогичное явление имеет место при интерпретации определенных дескрипций. Так, фраза

(46) Стулья стоят в углу

либо неверна (поскольку едва ли все мыслимые в мире стулья стоят в углу), либо – и именно эта возможность как правило учитывается при осмыслении реальных высказываний – верна, но только в применении к заранее ограниченному релевантному множеству стульев (обсуждение других интерпретаций и убедительные доводы в пользу этой содержится в [Reimer 1998]).

Таким образом, если высказывание не удается хорошо интерпретировать в применении к "миру вообще", то оно прилагается к "миру частному". Для примеров (45) и (46) внеязыковая ситуация достаточно хорошо подсказывает, до какого предела надо сужать мир. В случае, который мы рассматриваем, внеязыковых подсказок может не быть, и конструкция типа *Когда P_1 , P_2 с СВ в P_2* , взятая сама по себе, в интересующей нас части значит просто, что 'есть **некоторый** мир (часть целостного мира), в котором ситуацию P_2 сопровождает ситуация P_1 '. Учитывая непредзаданность этого "некоторого" мира (он может быть произвольно ограничен каким-то местом, временем или чьим-то личным опытом, в конце концов специально мысленно сконструирован так, чтобы в нем выполнялась требуемая закономерность), оказывается, что либо информативность последнего смысла сводится к нулю, либо же его ценность состоит как раз в том, что в связи с сообщением о P_2 Говорящего интересует некая *специфическая часть* целостного мира. Разумеется, реально в расчет принимается только вторая возможность.

Остается спросить себя: в каком конкретно фрагменте мира (все равно – объективного или ментального) наблюдаются регулярные связи не только от причины (P_1) к следствию (P_2), но и наоборот, от следствия к причине? Если оставить в стороне интеллектуалистские версии, где будут упомянуты разного рода магические практики, ответить нужно, что это *мир стереотипов*: тех жестких "сценариев", которые есть в памяти у каждого человека. Таким образом, наиболее вероятно, что если в P_2 использован совершенный вид, как в (43) и (44), то Говорящий мыслит P_2 как часть стереотипного сценария.

При этом вовсе не обязательно, чтобы Говорящий имел только один стереотип с участием P_2 , т.е. чтобы в мире разделяемых Говорящим стереотипов данное P_2 *непрерывно* связывалось с данным P_1 ; в этом случае были бы неприемлемы тексты типа

(44') Иван придет домой (P_1) – ляжет (P_2), придет на дачу (P_1') – опять ляжет (P_2').

Существенно то, что стереотипы существуют, чтобы упростить мир; если число их слишком велико, они уже перестают быть стереотипами. Поэтому стереотипов, сценариев с участием произвольного P_2 не может быть много. Поэтому, какой бы ни оказалась произвольно взятая ситуация P_1 , Говорящий мыслит ее *достаточно конкретно*, и потому несомое совершенным видом сообщение, что P_2 связывается для Говорящего с P_1 , *имеет информативную ценность*, а не сводится к абсолютно безинформативному ' P_2 связывается для Говорящего с *чем-то* другим, *какой-то* (любой) другой ситуацией', как это было бы, если бы речь шла о *всем мире как целом*, где у любого следствия P_2 имеется, строго говоря, *бесконечное* множество причин.

Разумеется, использование совершенного вида в P_2 еще недостаточно, чтобы непременно индуцировалась идея стереотипа. Именно поэтому СВ хорош прежде всего там, где эту же идею подсказывает контекст. Фразы типа (43) гораздо лучше, если содержат показатель "универсальности" типа *тут же, всегда, непременно, обязательно* или *редко*; чуть хуже – с *очень часто*, и еще хуже – с *часто, иногда* и т.п. Ср. несколько неловкие (особенно – второй) варианты:

(43') Иван, когда придет домой (P_1), очень часто ляжет (P_2).

(43'') 'Иван, когда придет домой (P_1), часто (иногда) ляжет (P_2).

Что касается бессоюзной синтаксической модели в (44), то она, видимо, сама по себе гораздо теснее связана с идеей стереотипа, и потому *часто и иногда* здесь не мешают: *Иван часто (иногда) придет домой – и ляжет.*

Очень важно, что "сценарий" должен быть у Говорящего как-то сформирован. Если речь не идет о стереотипах общего характера (а соотносительно-кратные конструкции для сообщения о таких стереотипах употребляются, кажется, крайне редко), то самое вероятное, что стереотип сложился в личном опыте Говорящего, и отсюда часто возникающий "эффект наблюдателя", мысль о котором и кроется, по-видимому, за термином "наглядно-примерное значение". Он есть в (43) и (44), а также в предложении

(47а) Функция превысит пороговую величину – и начнет резко падать.

Эта фраза, в отличие от более академической

(47б) Функция превысит пороговую величину – и начинает резко падать, уместна лишь при условии, что кто-то это наблюдал (процесс вычислений, построения графика и т.п.) или хотя бы наблюдал *мысленно*.

Заметим в заключение, что рассмотренные примеры, весьма вероятно, манифестируют в русском языке так называемый эвидентив – категорию, сигнализирующую, что описываемое дано Говорящему в опыте.

Заметим также, что соотносительно-кратные конструкции не следует смешивать с конструкциями типа *Если два умножить на два (P₁), получится четыре (P₂)*, которые сообщают о *чисто логической* связи P₁ с P₂, ничего не говоря, осуществляются ли P₁ и P₂ реально. Здесь мотив для использования СВ в P₂ состоит в том, что для рассуждений о логических связях достаточно мыслить *одно* P₂ (как, впрочем, и одно P₁). Поэтому при употреблении в P₂ совершенного вида не возникает описанных выше эффектов "стереотипности"²⁵.

7.2. Существует и второй вариант употребления СВ при множественности множеств М. Здесь никакого эксплицитного Р' нет, и оно должно быть восстановлено; как мы помним, самый доступный способ его восстановить – принять за Р' те эффекты, к которым ведет Р. Кроме того, необходимо, чтобы всякое множество М имело некую объединяющую его содержательную черту: выше говорилось, что отдельное М не может быть просто "множеством, куда входят данная ситуация и ее эффекты" – из-за абсолютной тривиальности такого множества. В том случае, когда М *одно*, выручало то, что это может быть множество, о котором просто *думает Говорящий*. Здесь, как мы уже говорили выше, это не так: Говорящий мыслит *много* множеств М, и чтобы сформировать *отдельное* М, этого признака мало.

Отсюда вытекает, что у каждого М есть *иная* объединяющая черта и на нее либо указывает контекст, либо содержательный признак М остается непроясненным.

7.2.1. Первый случай лучше всего проиллюстрируют конструкции с имплицитивным глаголом несовершенного вида в итеративном значении, например, *Х–у удавалось / приходилось / случалось / доводилось S; X успевал S*.

Все имплицитивы несомненно имеют свое собственное, отличное от S (хотя иногда и трудноуловимое), значение. Именно этим значением и скрепляется каждое М.

Так, глаголы *приходилось, случалось и доводилось* несут идею определенного *личного опыта*, причем, если они итеративны, заведомо разделенного на отдельные "кванты". Там, где для подобного опыта существенно не только Р, но и какие-то его эффекты Р', при этих имплицитивах уместен совершенный вид:

(48) а. Мне приходилось упасть с крыши;

б. Мне случалось оказаться в таком же неприятном положении;

в. Мне доводилось остаться без работы.

²⁵ Кстати, тот же мотив для употребления СВ имеется и в других случаях, например, в сообщениях о возможности-способности (*Он может поднять 25 килограммов; Он поднимет 25 килограммов*) – в отличие от сообщений о возможности-"умении", которая предполагает ряд осуществлений и описывается несовершенным видом (*Он поднимает 25 килограммов*).

(Естественно, идея "последствия" Р' обычно достаточно очевидна, и несовершенный вид успешно конкурирует здесь с совершенным.)

Если эффекты Р лежат явно вне сферы субъективного опыта, то СВ при названных глаголах-имплицативах малоупотребителен; ср.:

(49) а. ? Мне приходилось (доводилось) написать книгу (*лучше*: писать книги);

б. ? Мне приходилось (доводилось, случалось) сварить (*лучше*: варить) французский суп.

Если же, наоборот, ситуация Р' как результат Р особенно важна, то предпочитается вид совершенный. Так обстоит для глагольного сочетания *удачно выйти / выходить замуж*: *удачно* здесь почти всегда относится к *последствиям* выхода замуж, т.е. к Р', а не к Р, и потому лучше сказать *В этом городке женщинам редко приходилось удачно выйти* (а не *выходить*) *замуж* (пример адаптирован из [Fielder 1985: 87]; там же – ряд других примеров, допускающих сходное объяснение).

Нечто подобное верно и для глагола *удавалось*: будучи итеративен, он предполагает отдельные интервалы, на каждом из которых, грубо говоря, кто-то *хочет и прилагает усилия*, чтобы было Р и его эффект Р'. Это *стремление* к Р и Р' и служит нетривиальным объединителем для каждого отдельного множества М. Аналогично объяснение и для *Х успевал S*, где глагол *успевал* – скорее всего гипоним глагола *удавалось* (гипоним, уточняющий, какого характера препятствия подлежали преодолению).

З а м е ч а н и е 1. Подобный предложенному анализ подходит и ко многим случаям модализованного употребления СВ, например, к фразам *Каждый раз, когда его вижу, хочется сразу уйти*; *Каждый раз, когда он приходит, надо открыть ему дверь*. Так, последнее предложение значит, что есть много отличимых друг от друга случаев ("раз"), в пределах каждого из которых необходимо *однократно* открыть дверь, причем к области необходимого безусловно относится не только Р (открывание двери), но и его эффект Р' (наличие *открытой* двери). Таким образом, здесь есть множество отдельных множеств ситуаций и есть та нетривиальная особенность ('необходимость'), которая спаивает Р и Р'²⁶.

З а м е ч а н и е 2. Сказанное никоим образом не требует, чтобы Р' *входило в сферу действия* имплицативного глагола (применительно к прагматически восстанавливаемой, а не семантической информации такая мысль грозит непредсказуемыми последствиями). Важно только, что по очевидным *прагматическим* причинам вхождение Р в личный опыт, стремление к Р и т.д. предопределяют точно такой же статус Р' (Р' – часть личного опыта, Р' – предмет стремлений и т.д.).

7.2.2. Наконец, если текст не предлагает ничего подходящего на роль нужного объединителя, возникают самые маргинальные случаи употребления СВ, первый из которых представлен в (7) и (50):

(7) Иван вообще-то трезвенник, но иногда и выпьет.

(50) Иван редко чем-нибудь поможет,

а также во фразах типа

(51) Люблю выпить (прогуляться, прочитать хорошую книгу).

Ради чего здесь, в идеальном для несовершенного вида контексте многократности, появляется совершенный вид?

С одной стороны, при множественности множеств М каждое М должно иметь нетривиальную объединяющую черту. С другой стороны, текст (7), (50) и (51) ничего

²⁶ Другой как будто возможный с излагаемой точки зрения анализ фразы *Каждый раз, когда он приходит, надо открыть ему дверь*, предполагающий, что это соотносительно-кратная конструкция и совершенный вид *открыть* сигнализирует о связи этой ситуации с ситуацией прихода, неверен: связь второй ситуации с первой, конечно, налицо, только эта вторая ситуация – не само открывание двери, но *надобность* открыть дверь.

не говорит ни об этой черте, ни о Р' (поэтому Р' здесь не может быть просто "эффектом" Р, а представляет собой какую-то другую сопровождающую Р ситуацию): Говорящий имеет в виду существование каких-то (неприменно естественных, раз каждое не задается "перечнем") М и, следовательно, каких-то Р', но не считает нужным их характер прояснить. Он просто сообщает, что мыслит себе некое не уточняемое "ситуативное окружение" каждой ситуации 'Иван выпил', 'Иван помог'. Два этих обстоятельства – причем именно в своей совокупности: для соотносительнократных конструкций второе неактуально, так как в них Р' называется *прямо*. – и определяют специфику подобных фраз.

Вспомним в качестве хрестоматийной аналогии слова ОПРЕДЕЛЕННЫЕ, ИЗВЕСТНЫЕ и СЧИТАННЫЕ: они, как давно замечено, прилагаются к тому, что *недостаточно* определено, *недостаточно* известно и скорее всего не посчитано – т.е. не по прямому назначению, а каким-то особым способом, в развитии которого очень важен механизм прагматического вывода. Высказывания *Определенные Х-ы Р*, *Известные Х-ы Р*, *Считанные Х-ы Р* все означают, что Говорящий мог бы четко назвать Х-ы, которые Р; раз он этого не делает, значит, *важна сама такая возможность, безотносительно к ее осуществлению*. Это, в свою очередь, значит, что *Х-ов сравнительно мало*.

Аналогичным образом, в (7), (50) и (51) для Говорящего важен не характер отдельных М, а то, что этот характер ему известен: Говорящий мыслит себе и, следовательно, мог бы назвать "ситуативное окружение" каждого Р. В то же время, говоря о неограниченно повторяющихся событиях, естественнее *не мыслить* разного рода детали и подробности. Отсюда та идея обозримости всех Р, сравнительной немногочисленности отдельных случаев, которая несомненно есть в (7), (50) и (51) и которая делает крайне нежелательным сочетание СВ в подобных конструкциях с наречием ЧАСТО; ср.:

(7)²⁷ Иван часто выпьет.

(50)²⁷ Иван часто поможет.

(Наречие ЧАСТЕНЬКО здесь более уместно, но это как раз потому, что оно уводит идею высокой частоты на второй план, на первом же оказывается само *наличие* данной ситуации. В этом смысле ЧАСТЕНЬКО скорее всего похоже на слова типа ИЗРЕДКА, НЕМНОГО и др. См. [Зельдович 1998а, б; 1999а].)

7.2.3. Несколько иная ситуация возникает в контексте будущего времени (52–54), либо если прошедшие события описываются как будущие по отношению к некоторой точке отсчета в прошлом (в (55) – *относительное* будущее):

(52) Я иногда вам помогу.

(53) Он еще не раз сюда придет.

(54) Душою мы, конечно, еще не раз вернемся к нему... (Л. Соловьев).

(55) Я потом еще не раз пожалел о своем поступке.

В (7), (50) и (51) мыслить ситуативное окружение (Р') для каждой ситуации Р достаточно необычно из-за того, что они берутся как масса, и отсюда эффект "обозримости". В (52–55) – особенно в (52) – подобное не исключено, однако возможно и другое.

Дело в том, что те высказывания о повторяющихся событиях, которые относятся к плану настоящего – как (7), (50) и (51), – по сути говорят *о прошлом*²⁷, только экстраполированным и на будущее. Другими словами, за фразой (7), например, стоит лишь то, что *в прошлом* Иван выпивал и нет оснований ждать от него перемены привычек в дальнейшем. Таким образом, будучи сообщениями о прошлом, (7), (50) и (51) говорят о том, что во всех подробностях доступно знанию, и с этой точки зрения осведомленность Говорящего о характере "сопроводительных" ситуаций Р' вполне закономерна. Если подробности каждого отдельного события в (7), (50) и (51) знать

²⁷ Разумеется, подобные сообщения могут и прямо относиться к прошлому; ср. *Бывало, что Иван выпьет*.

и затруднительно, то связано это лишь с "оптовым" способом представления: *посторонний* виду контекст (*иногда, редко, люблю*) здесь таков, что, вообще говоря, не предрасполагает интересоваться деталями.

Что же касается *будущего*, то оно в *принципе неизвестно*, и знание или (в норме сколько-нибудь *обоснованное*) мышление о всякой его подробности является своего рода гносеологическим прорывом. Поэтому высказывание о будущем тем надежнее, чем оно слабее. Учитывая, во-первых, это, во-вторых, что сообщения типа (52–55), как и любое высказывание с глаголом СВ, делаются прежде всего ради информации о Р, а информация о ситуациях Р' находится на втором плане, а в-третьих, что для сообщения о *самом* Р здесь идеально подходит *несовершенный* вид (ибо в (52–55) мы имеем дело с наиболее каноническим для НСВ контекстом многократности), – учитывая все это, можно объяснить, почему здесь естественнее *не мыслить* "сопроводительной" ситуации Р' и почему в (52–55) возникает оттенок предсказательности и загляда в будущее, о котором Говорящий мыслит с некоторыми не обязательными подробностями.

З а м е ч а н и е. Для наших рассуждений по поводу примеров (7) и (50–55) было важно, что глагол СВ предпочитается *парному* глаголу НСВ. Однако и глаголы *perfectiva tantum* ведут себя примерно так же, как парные глаголы. Например, фраза *Иван иногда поспит* несет оттенок невысокой частоты, а *Иван здесь еще не раз посидит* – "предсказательности". Видимо, здесь вступает в игру давно замеченная закономерность [Мелиг 1995: 144; Падучева 1998: 37], что при отсутствии парного глагола НСВ лакуна заполняется или *может* заполняться ближайшим по смыслу непарным глаголом: иначе говоря, пары ПОСПАТЬ – СПАТЬ, ПОСИДЕТЬ – СИДЕТЬ могут *использоваться* как видовые. Существенно, что СВ здесь семантически вторичен по отношению к НСВ и предпочитается перед НСВ, как кажется, только ради помещения данной ситуации в какую-то ситуативную среду.

8.0. Подведем итоги и скажем о некоторых перспективах исследования.

Предложенная выше интерпретация совершенного вида несомненно требует проверки и разработки, но и сейчас мы видим три ее важных преимущества.

8.1. Первое состоит в том, что она обещает достаточное естественное объяснение трудных случаев функционирования СВ. Рассмотрим только один, но как бы не самый загадочный из них – употребление, точнее, крайне редкое и "окрашенное" употребление совершенного вида в отрицательном императиве; ср.:

(56) а. Не простудись;

б. Не проговорись;

в. Не походи на это собрание – и не надо будет выступать по щекотливому вопросу.

Нельзя считать – хотя это распространенное мнение, – будто отрицательный императив СВ всегда несет значение "предостережения": с одной стороны, оно слишком уж специфично, чтобы грамматикализироваться; с другой стороны, есть явные контрпримеры типа (56в) [Boguslawski 1985].

Вспомним, что, согласно толкованию (20), единично *то, что можно сказать или о чем можно сказать* с помощью "Р" или "Р + А" ("Р" вместе с произвольным модификатором; см. 4.3). Во всех приведенных ранее примерах – кроме (3) и (14–16) – это значило, что единично *само* Р (вместе с актантами), – ибо везде примеры допускали наиболее простую и предпочтительную трактовку, согласно которой что-то говорится или о чем-то говорится с помощью Р *взятого само по себе*. В случае с фразами (56) это не так. Как бы ни толковалось значение императива (см. [Boguslawski 2000] с дальнейшей литературой), в (56) всюду есть компонент наподобие 'Говорящий хочет не-Р': 'Говорящий хочет, чтобы Адресат не простудился / не проговорился / не пошел на собрание' (дело принципиально не меняется, даже если вместо *хочет* нужно поставить что-то иное, более тонко устроенное).

Очевидно, то, что Говорящий чего-то хочет и хочет, чтобы это исполнил Адресат. суть части *темы (пресуппозиции)*, а Р принадлежит к *реме*. Но можно ли сказать, что с помощью самого по себе Р здесь *что-то говорится*? Разумеется, нет: говорится здесь именно 'не-Р': именно 'не-Р' сообщает о желаниях Говорящего относительно действий Адресата²⁸. Раз так, то ситуации 'Адресат *не простудился / не проговорился / не пошел на собрание*' и должны быть единичны в некотором множестве М, которое мыслит в момент речи и которым, следовательно, интересуется Говорящий. Проще говоря, в роли А здесь (как выше в примере (17)) выступает *отрицание* – и эти *отрицательные* ситуации должны быть каким-то образом *выделены* на фоне других ситуаций.

Какой может быть для этого выделения мотив? Будь предметом желания нечто *позитивное*, мотив несомненен; тут же его надо искать специально, и состоять он может либо в том, что на всех, кроме одного, релевантных для Говорящего интервалах *имеет место Р* (т.е. случай, когда адресат не простудится / не проговорится / не пойдет на собрание, резко выделен на фоне многократных или постоянных простуд, проговоров, походов на собрания), либо тем, что какой-то в первую очередь интересующий Говорящего интервал выделен посторонним образом: на нем было или будет что-то заставляющее подумать о Р, т.е., иными словами, какие-то *предпосылки Р* (в самом широком смысле слова). Первый вариант выглядит естественным только для походов на собрание, и именно соответствующее предложение (56в) не несет оттенка "предостережения", а в (56а) и в (56б) сталкиваются смыслы 'Говорящий этого не хочет' и 'Говорящий видит к этому предпосылки', которые вместе "предостережение" – или нечто близкое к нему – и формируют.

З а м е ч а н и е. Последняя мысль перекликается с идеями работы [Boguslawski 1985]. Где "предостережение" объясняется тоже столкновением в принципе независимых элементов смысла, но несколько по-иному: для А. Богуславского важно, что глагол СВ в типичном случае обозначает (1) процесс или деятельность и (2) достижение результата. Отрицание СВ естественнее понять как отрицание компонента (2), но не компонента (1). Отсюда вытекает, что в отрицательном императиве наличие процесса или деятельности *предполагается*, т.е. предполагается наличие все тех же *предпосылок*. Это объяснение (ныне автор от него отказался; см. [Boguslawski 2000]) трудно прилагать ко многим конкретным случаям, особенно к (56б) и (56в), где процессно-деятельностная фаза может в момент речи и не быть начата, а также всюду, где такая фаза плохо отделима от результата, – у так называемых глаголов непосредственного эффекта типа СКАЗАТЬ (глагол ПРОГОВОРИТЬСЯ из (56б) – того же типа). *Говорить что-то, но не сказать*, как известно, нельзя, однако в отрицательном императиве СКАЗАТЬ (как и ПРОГОВОРИТЬСЯ) подчиняется общим закономерностям; ср.: *Не скажи ему ненароком, куда мы едем*.

8.2. Второе преимущество описанной модели СВ можно видеть в том, что она вскрывает единство так называемых частных значений СВ (в первую очередь – наиболее далеких друг от друга конкретно-фактического и наглядно-примерного): все они порождаются одним и тем же инвариантом.

8.3. Наконец, третье преимущество – в том, что парный глагол несовершенного вида оказывается своего рода зеркальным отражением вида совершенного: употребляя НСВ, Говорящий мыслит себе *много* интервалов, на которых реализуется данная ситуация. Мыслить много интервалов можно чаще всего (хотя и не всегда: мы даем только приближительную схему) по следующим причинам. Во-первых, потому,

²⁸ Именно здесь и коренится контраст между СВ в отрицательном императиве и СВ в обычном, повествовательном отрицательном предложении типа *Я не простудился: Я не пошел на собрание*. Последние более чем естественно трактовать как сообщения о пропозициях *Я простудился: Я пошел на собрание*, т.е. здесь говорится о Р, взятом само по себе; ср. [Boguslawski 1977].

что ситуация *реально многократно*, так возникает итеративное значение НСВ Во-вторых, потому что в ситуацию *заглядывают изнутри*" выбирается некая временная точка отсчета (точнее – 'интервал отсчета') и сообщается, что ситуация имеет место на этом интервале и на других прилегающих к нему интервалах, отсюда – актуально-длительное значение НСВ В-третьих, потому что ситуация *параллельна* какой-то другой ситуации Параллельность, синхронность ситуаций состоит в том, что *во всякий момент*, когда имеет место одна, имеет место и другая (обоснование – в [Carlson 1981]), здесь возникает дуратив разного типа, например, *Во время телепередачи я писал письмо* Наконец, иногда Говорящий мыслит, вернее вынужден мыслить, ситуацию как приуроченную ко многим интервалам по совсем особой причине он не может употребить совершенный вид потому, что его не устраивает *идеальная импликатура*, у него *нет* (неважно, почему) интереса к ситуации наличной в момент речи Здесь возникает общефактическое значение НСВ, причем то, что Говорящий мыслит *много* интервалов, заполненных данной ситуацией, часто оказывается не предметом сообщения, а неизбежной платой за возможность отказать от перфекта Заведомо неповторимое событие таким несовершенным видом описываться не может Так, заведомо неповторимо *Иван умер*, и плохо сказать *Иван умирал*, если предполагать здесь *результативную* интерпретацию, *нерезультативная* же приемлема как раз потому, что умирание как не дошедший до результата процесс повторимо Аналогичным образом, только с рядом не делаемых здесь оговорок объясняется контраст в давно обсуждаемых аспектологами примерах "*Войну и мир* писал Толстой vs *Зимний дворец строил Растрелли* постройка дворца мыслится нами как нечто в гораздо большей степени воспроизводимое, нежели создание художественного текста, именно по этой причине можно сказать, что какой то дворец строил сначала один архитектор, а затем (доукомплектовал) – другой, сказать же, что например, "Египетские ночи" писал сперва Пушкин, а затем Брюсов более чем странно

Таким образом, трактуя несовершенный вид в том же духе, что и совершенный, мы можем, не умножая сущностей и не постулируя отдельных частновидовых значений, предсказать основные типы его употребления Впрочем, детальное обсуждение этого вопроса – тема для другой работы

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1988 – Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня Язык система и ее функционирование М, 1988
- Апресян Ю.Д. 1989 – Тавтологические и противоречивые аномалии // Логический анализ языка Проблемы интенциональных и прагматических контекстов М, 1989
- Барентсен А. 1995 – Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида I Краков, 1995
- Бондарко А.В. Буланин Л.Л. 1967 – Русский глагол Л. 1967
- Булыгина Т.В. Шмелев А.Д. 1997 – Языковая концептуализация мира (На материале русской грамматики) М, 1997
- Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола М, 1982
- Гловинская М.Я. 1989 – Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования М, 1989
- Зельдович Г.М. 1994 – За референциальными свойствами на понятии период от време // Проглас Тырново 1994 № 3
- Зельдович Г.М. 1995 – Семантика времени К уточнению метаязыка // Филологические науки 1995 № 2
- Зельдович Г.М. 1998а – О типах семантической информации слабые смыслы // ИАН СЛЯ 1998 № 2

- Зельдович Г М* 19986 – Русские временные квантификаторы // Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 46, 1998
- Зельдович Г М* 1999a – О типологии квантификаторов // ИАН СЛЯ 1999 № 5–6
- Зельдович Г М* 1999b – Семантика совершенного вида К вопросу об инварианте // Wiener Slawistischer Almanach 43 1999
- Кошелев А Д* 1996 – Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах Вып 1 Спорное в лингвистике М, 1996
- Крейдлин Г Е Падучева Е В* 1974 – Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом А // Научно-техническая информация Сер 2 1974 № 10
- Маслов Ю С* 1984 – Очерки по аспектологии Л, 1984
- Мелиз Х Р* 1995 – Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени // Семантика и структура славянского вида, I Kraków, 1995
- Падучева Е В* 1996 – Семантические исследования Семантика времени и вида в русском языке Семантика нарратива М, 1996
- Падучева Е В* 1998 – Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // Russian Linguistics V 22 1998
- РГ 1982 – Русская грамматика Т 1 М, 1982
- Тимберлейк А* 1985 – Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике Вып XV М, 1985
- Широкова А Г* 1971 – Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Исследования по славянскому языкознанию М, 1971
- Boguslawski A* 1977 – Problems of the thematic-rhematic structure of sentences Warszawa, 1977
- Boguslawski A* 1985 – The problem of the negated imperative in perfective verbs revisited // Russian Linguistics 9 1985
- Boguslawski A* 1994 – Duality and knowledge The root and the fruit Dusseldorf, 1994
- Boguslawski A* 2000 – A note on the Slavonic aspects in imperative utterances (In print)
- Carlson L* 1981 – Aspect and quantification // Tense and aspect New York, 1981
- Comrie B* 1976 – Aspect An introduction to the study of verbal aspect and related problems Cambridge 1976
- Chaput P R* 1985 – Aspect in denials // M Flier, A Timberlake (Eds) The scope of Slavic aspect Columbus, 1985
- Chaput P R* 1990 – Temporal and semantic factors affecting Russian aspect choice in questions // N Thelin (Ed) Verbal aspect in discourse Amsterdam, Philadelphia 1990
- Fiedler G E* 1985 – Implicature and the aspect of the infinitive in Russian // M S Flier, R D Brecht (Eds) Issues in Russian morphosyntax Columbus (Ohio), 1985
- Galton H* 1976 – The main functions of the Slavic verbal aspect Skopje, 1976
- Galton H* 1980 – Nowa teoria o znaczeniu aspektu werbalnego slowianskiego (na materiale polskim) // Polonica 1980 № 6
- Gasparov B* 1990 – Notes on the 'metaphysics' of Russian aspect // N Thelin (Ed) Verbal aspect in discourse Amsterdam Philadelphia, 1990
- Givón T* 1995 – Functionalism and Grammar Amsterdam, Philadelphia, 1995
- Johnson M* 1981 – A unified temporal theory of tense and aspect // Tense and aspect New York, 1981
- Michaelis L* 1994 – The ambiguity of the English present perfect // Journal of linguistics V 30 1994
- Reimer M* 1998 – Quantification and context // Linguistics and philosophy V 21 1998
- Stunova A* 1991 – In defence of language-specific invariant meanings of aspect in Russian and Czech // Studies in West Slavic and Baltic linguistics Amsterdam, 1991
- Sperber D Wilson D* 1986 – Relevance communication and cognition London, 1986
- Timberlake A* 1985 – The temporal schemata of Russian predicates // M S Flier, R D Brecht (Eds) Issues in Russian morphosyntax Columbus (Ohio), 1985
- Wierzbicka A* 1967 – On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor Roman Jakobson The Hague – Paris, 1967
- Wilks Y Cunningham C* 1986 – A purported theory of relevance // J L Mey (Ed) Language and discourse Test and protest Amsterdam, Philadelphia, 1986
- Yus Ramos F* 1998 – A decade of relevance theory // Journal of pragmatics V 30 1998